120
513

Ар. Турцевичъ.

Русскіе крестьяне

подъ владычествомъ

Литвы и Польши.

Краткій историческій очеркъ.

Императоръ Александръ II,
Царь-Освободитель.

ВИЛЬНА.
Складъ изданія въ Русской Книжной Торговлѣ А. Г. Сыркина.
1911.

Очеркъ подъ заглавіемъ „Русскіе крестьяне подъ владычествомъ Литвы и Польши“ былъ напечатанъ въ 1908 году въ Виленскомъ журналѣ „Крестьянинъ“. Въ настоящемъ отдѣльномъ изданіи этотъ очеркъ не только дополненъ, но и совершенно переработанъ.

Ар. Турцевичъ.

Вильна, 21 января 1911 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Характеръ русскихъ земель во время присоединенія ихъ къ Литвѣ.—Раздѣленіе крестьянъ на группы. — Данники. — Ихъ общественный бытъ. — Копный судъ. — Заключеніе.

Западная Русь вошла въ составъ великаго княжества Литовскаго въ XIII—XIV вѣкахъ. Въ это время она стояла гораздо выше Литвы какъ по своему политическому, такъ и по своему гражданскому развитію. „Это были старинныя русскія земли", говоритъ одинъ историкъ, „населеніе которыхъ до литовскаго владычества сплотилось въ довольно крѣпкіе политическіе союзы, привыкло къ политической самодѣятельности при князьяхъ Рюрикова дома, пріобрѣло любовь къ мѣстной самостоятельности и привязалось къ мѣстной старинѣ. Это были тѣ земли, про которыя еще лѣтописецъ второй половины XII вѣка сказалъ, что онѣ „якоже на думу, на вѣча сходятся, на что же старѣйшии сдумають, на томъ же пригороди станутъ" [1]). Въ такихъ земляхъ литовскіе князья, не обладавшіе хорошо организованной администраціей, не могли нарушить старины и поневолѣ должны были оставить прежній общественный строй, поэтому всѣ классы населенія, а въ томъ числѣ и крестьяне, сохранили здѣсь всѣ тѣ права, какими они пользовались подъ властью своихъ русскихъ князей.

Насколько можно судить по нѣкоторымъ документамъ, западно-русскіе крестьяне въ первые вѣка литовскаго владычества подраздѣлялись на слѣдующія группы:

1. **Данники.** Они были вольными земледѣльцами. Положеніе данниковъ прежде всего опредѣлялось данью, которая была главною повинностью ихъ, независимо отъ того, сидѣли ли они на княжеской землѣ или на частной. Данники пользовались правомъ выхода, по выполненіи, конечно, извѣстныхъ формальностей.

2. **Слободичи** (извѣстные также подъ названіемъ людей захожихъ, похожихъ, прихожихъ, слободниковъ или вольниковъ). Они

---

[1]) *Профес. М. Любавскій*: „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго статута", стр. 26.

были людьми свободными и снимали по контракту участки земли у частныхъ землевладѣльцевъ, которымъ князья жаловали пустыри съ правомъ „людей на новомъ корнѣ посадить".

3. **Отчичи.** Главной повинностью отчичей была барщина: они должны были ходить на господское дѣло съ серпомъ, косою, топоромъ. Отчичи были прикрѣплены къ землѣ, почему поступали въ продажу и въ раздѣлъ по наслѣдству вмѣстѣ съ землею, на которой сидѣли. Отчичи не могли сходить съ земли, и господинъ могъ искать ихъ и ихъ дѣтей неопредѣленное число лѣтъ [1]).

4. **Закупни, или закладни,** т. е. люди, поступившіе во временное рабство въ уплату долга. При отсутствіи въ то время правильно устроенной власти, число лицъ, закладывавшихся за коголибо съ цѣлью пріобрѣсть себѣ защиту и покровительство, было довольно значительно. Условія закупничества опредѣлялись въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ взаимнымъ договоромъ, но по закону закупни считались людьми свободными.

5. **Невольная челядь, или холопы.** Невольная челядь составляла единственное совершенно безправное крестьянское сословіе. Въ это состояніе свободные люди могли попадать по слѣдующимъ причинамъ: военно-плѣнные, рожденные отъ рабовъ, выданные по суду истцу за преступленіе и вступившіе въ бракъ завѣдомо съ лицомъ, состоящимъ въ рабствѣ. Челядинъ, посаженный на землѣ, тѣмъ самымъ превращался въ тяглаго отчича [2]).

Изъ всѣхъ перечисленныхъ группъ крестьянскаго населенія самую многочисленную составляли д а н н и к и. Это несомнѣнно были вольные люди. „Западно-русскій данникъ", говоритъ профессоръ

---

[1]) *Профессоръ Любавскій* говоритъ, что о т ч и ч и могли покидать свои участки, если имъ удавалось посадить вмѣсто себя другихъ, соглашавшихся нести туже службу. („Областное дѣленіе", стр. 376).

[2]) О раздѣленіи крестьянъ на группы см. сочиненія: 1) *М. Довнаръ-Запольскій*: „Очерки по организаціи западно-русскихъ крестьянъ въ XVI в.", стр. 142, 146, 148, 299 и др.; 2) *В. Б. Антоновичъ*: „Архивъ Юго-Западной Россіи", ч. VI, т. II, предисл., стр. 11—15; 3) *Ив. Новицкій*: „Архивъ Юго-Западной Россіи", ч. VI, т. I, предисл., стр. 52—53, а также *проф. Леонтовичъ*: „Крестьянскій дворъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ" и *проф. Любавскій*: „Областное дѣленіе" и „Очерки исторіи Литовско-Русскаго государства".

Довнаръ-Запольскій, „является непосредственнымъ преемникомъ древне-русскаго свободнаго смерда и въ своемъ быту, въ своихъ отношеніяхъ къ владѣльцу земли, въ своихъ даняхъ, въ экономическомъ строѣ, главнымъ образомъ выражавшемся въ добываніи „скры и меду“, въ устройствѣ волостного и сельскаго быта сохранилъ глубоко-архаичныя особенности“ [1]). Данники жили сельскими общинами. Хотя земля признавалась собственностью князя, но каждая община имѣла въ своемъ непосредственномъ владѣніи опредѣленное количество пахатной земли и разныхъ угодій, которыми распоряжалась самостоятельно. Одна часть пахатной земли и всѣ угодья, какъ лѣсъ, выгонъ, бортныя земли, бобровыя гоны, находились въ общемъ владѣніи; другая часть пахатной земли дѣлилась на участки, извѣстные подъ именемъ отчинъ. Отчинами владѣли отдѣльные домохозяева на правахъ личной собственности и могли ихъ продавать, обмѣнивать, передавать по наслѣдству, отдавать въ залогъ и т. п. [2]). Каждая сельская община пользовалась извѣстнымъ самоуправленіемъ. Во главѣ такой общины стоялъ выборный старецъ, какъ постоянный блюститель общинныхъ интересовъ. Община сама производила разрубъ (раскладку) податей и повинностей, которыя на нее налагались общею суммою [3]). Кромѣ того, община имѣла свой собственный судъ, извѣстный подъ именемъ копнаго суда.

Копой называлось народное собраніе изъ домохозяевъ нѣсколькихъ сосѣднихъ селеній, составлявшихъ сельскую общину. Эти домохозяева носили названіе сходатаевъ, копныхъ судей и др. Копа собиралась въ центральномъ мѣстѣ сельской общины, которая

---

[1]) „Очеркъ по организаціи з.-р. крестьянъ“, стр. 297.

[2]) *Г. Новицкій* высказываетъ мысль, что землевладѣльческія права крестьянъ были одинаковы съ правами высшихъ сословій (Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VI, т. I, стр. 12, 13, 15, 29), а *професоръ Любавскій*, хотя и не соглашается съ мнѣніемъ г. Новицкаго, но въ свою очередь признаетъ, что „крестьяне имѣли свои владѣльческія права, но эти права осуществлялись не въ ихъ отношеніи къ господарю или своимъ панамъ, а въ отношеніяхъ другъ къ другу и къ другимъ владѣльцамъ“. („Област. дѣл.“, стр. 408).

[3]) Подробности объ общинномъ бытѣ данниковъ см. въ соч. *Довнаръ-Запольскаго*: „Очерки по организ. з.-р. крест.“, стр. 57—149 и др.

называлась коповищемъ или копищемъ, и занималась изслѣдованіемъ и рѣшеніемъ дѣлъ подъ открытымъ небомъ. Для изслѣдованія дѣлъ уголовныхъ копа собиралась на мѣстѣ преступленія: въ дубравѣ, въ бору, подъ горой; если нужно было рѣшить споръ о поземельной собственности, то копа собиралась на спорной землѣ; а когда въ округѣ общины оказывался трупъ убитаго человѣка, то копа собиралась въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился трупъ. Копа производила судъ и расправу по стародавнимъ обычаямъ. Допрашиваемаго нерѣдко подвергали пыткѣ, т. е. его сѣкли прутьями и жгли огнемъ. Приговоръ постановлялся общимъ голосомъ всѣхъ сходатаевъ. Въ случаѣ присужденія обвиняемаго къ смертной казни, палачъ совершалъ казнь въ присутствіи копы, но истецъ имѣлъ право окончить дѣло добровольнымъ соглашеніемъ; тогда преступникъ освобождался отъ всякаго наказанія. Вѣдомству копы подлежали всѣ лица простого сословія, имѣвшія свою осѣдлость въ округѣ сельской общины, а именно: крестьяне королевскіе, помѣщичьи, монастырскіе и церковные, свободные поселенцы и мѣщане городовъ, не пользовавшіеся магдебургскимъ правомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ власть копы простиралась и на самихъ помѣщиковъ. По окончаніи суда копа отправляла въ урядъ гродскій депутатовъ, которые вмѣстѣ съ вознымъ излагали дѣло и объявляли рѣшеніе для внесенія въ гродскія книги [1]).

Такимъ образомъ западно-русскіе крестьяне, за немногими исключеніями, въ древнѣйшую эпоху были людьми свободными, владѣли поземельною собственностью, даже съ правомъ отчужденія своихъ участковъ постороннимъ лицамъ, сами завѣдывали раскладкой податей, имѣли свой судъ и вообще пользовались довольно значительнымъ самоуправленіемъ. Но такое положеніе западно-русскихъ крестьянъ съ начала XV вѣка стало измѣняться, чему не мало способствовала Польша.

---

[1]) См. соч. *Н. Д. Иванишева*: „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ Юго-Западной Россіи“.

II.

Соединеніе Литвы съ Польшей при Ягайлѣ. — Положеніе польскихъ крестьянъ. — Постепенное закрѣпощеніе западно-русскихъ крестьянъ.—Утрата крестьянами права землевладѣнія и суда.— Панскій судъ. — Юридическое положеніе западно-русскихъ крестьянъ послѣ Люблинской уніи.—Религіозныя преслѣдованія.

Въ 1386 году великій князь литовскій Ягайло женился на польской королевѣ Ядвигѣ и, сдѣлавшись польскимъ королемъ, соединилъ подъ своею властью Литву съ Польшей. Хотя Литва вскорѣ получила своего особаго князя и успѣла сохранить свою самостоятельность, но съ этого времени она подверглась сильному вліянію Польши и стала постепенно заводить у себя польскіе порядки, которые прежде всего отразились на взаимныхъ отношеніяхъ землевладѣльцевъ и сельскаго населенія. Дѣло въ томъ, что польскіе крестьяне въ это время уже находились въ полномъ подчиненіи у шляхты, или дворянъ. „Исторія развитія крестьянскихъ отношеній въ Польшѣ", говоритъ В. М. Мякотинъ, „въ общихъ чертахъ была слѣдующая: общинное устройство и землевладѣніе въ первоначальномъ періодѣ, разрушеніе этого строя въ историческій періодъ уже къ XII и XIII вѣку, установленіе впервые прикрѣпленія въ XIV столѣтіи въ пользу шляхты и духовенства, уже раньше добывшихъ себѣ право суда надъ поселившимися на ихъ земляхъ крестьянами, достиженіе шляхтой господства въ странѣ и, подъ вліяніемъ этого господства, окончательное закрѣпощеніе кметей къ концу XV вѣка". Далѣ г. Мякотинъ устанавливаетъ, что въ XVI вѣкѣ польскіе крестьяне уже слились въ одинъ классъ крѣпостныхъ, окончательно утратили всѣ личныя и гражданскія права и сдѣлались полной и безусловной собственностью своихъ владѣльцевъ [1]).

Такое рабское состояніе польскихъ крестьянъ не могло не отразиться на положеніи ихъ западно-русскихъ собратій, такъ какъ въ Литвѣ и Польшѣ, вслѣдствіе ихъ сближенія, довольно скоро началъ устанавливаться одинаковый общественный строй. Дѣйствительно, по мѣрѣ распространенія въ Литвѣ польскаго шляхетскаго права, распространялось здѣсь и закрѣпощеніе разныхъ группъ

[1]) „Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ", стр. 61.

крестьянскаго населенія. Такъ, уже въ 1457 году польскій король Казимиръ IV издалъ привилей, которымъ запрещалось перезывать поселенцевъ съ частныхъ имѣній на велико-княжескія и обратно [1]). Въ тоже время частные землевладѣльцы и княжеская администрація, не обращая вниманія на законы, всѣми силами стали стремиться къ закрѣпощенію не только свободныхъ крестьянъ, но даже и мелкаго дворянства, которое не успѣло стать въ ряды полновластной шляхты. „Помѣщикъ или господарскій державца“, говоритъ профессоръ Довнаръ-Запольскій, „подстерегалъ вольнаго человѣка или боярина, чтобы обратить его въ тяглеца. Суды завалены массами дѣлъ о „привлащеніи“ похожихъ и бояръ въ отчичей. Стоило боярину „пріубожать“, или снять сосѣднюю тяглую землю, пропустить одну другую земскую военную службу или военный пописъ, какъ сейчасъ же къ нему предъявляется искъ о „приверненіи“ въ тягло; стоило свободному человѣку взяться за тягло, выйти на господарскую работу, хотя бы даже по условію съ землевладѣльцемъ взамѣнъ какой нибудь службы, свойственной свободному (наприм. взамѣнъ военной), и это служитъ доказательствомъ для прикрѣпленія; свободный человѣкъ могъ также случайно „замолчать“ при какихъ нибудь сдѣлкахъ на землю о своей свободѣ,—и его постигалъ тотъ же результатъ; очень часто задолжавшій крестьянинъ добровольно переходилъ въ разрядъ отчичей, равно какъ и человѣкъ, выданный „шією“ истцу на казнь за преступленіе или вслѣдствіе неуплаты судебнаго штрафа. Жизнь становится очень трудной, охрана свободы приноситъ тяжелую борьбу, бѣдность, угнетеніе; поэтому усиливается закладничество и закупничество, но и оно быстро переходитъ въ тяглое состояніе. Къ закладнямъ и закупнямъ предъявляются аналогичные иски объ обращеніи въ отчичей; бѣглый должникъ возвращается заимодавцу, по Статуту 1529 года „не мней, яко отчичъ“, т. е. можетъ быть обращенъ и въ рабство [2])... Кромѣ этой частной борьбы между двумя элементами, про-

---

[1]) *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*: „Христоматія по исторіи русскаго права“, вып. II, стр. 31.

[2]) Литовск. Статутъ 1529 г., раздѣлъ VIII, артикулъ 20.

исходившей въ предѣлахъ каждаго владѣнія, землевладѣльцы цѣлыхъ областей издавали постановленія, клонившіяся къ затрудненію арендныхъ условій для свободныхъ крестьянъ, къ однообразію этихъ условій" [1]). Особенно быстро шло закрѣпощеніе крестьянъ по судебнымъ рѣшеніямъ о „засѣдѣлости", или давности поселенія. Сначала судъ въ такихъ случаяхъ рѣшалъ дѣла по своему произволу, безъ всякаго законнаго основанія, но Статутомъ 1588 года постановлено было, что если слободичъ проживалъ въ имѣніи одного и того же владѣльца десятилѣтній срокъ, то онъ лишался права выхода [2]). „Эта статья Статута", говоритъ г. Довнаръ-Запольскій, „должна быть разсматриваема, какъ заключительная стадія въ исторіи свободнаго крестьянства" [3]).

Вмѣстѣ съ лишеніемъ свободы, крестьяне лишаются права участія въ землевладѣніи, которое и дѣлается исключительно шляхетскою привилегіею. Такъ, относительно опредѣленія права собственности на бортныя деревья, проданныя или отданныя крестьянами въ приданое въ чужое село, Статутъ 1566 года добавляетъ слѣдующія знаменательныя слова: „И вже отъ того часу хто бы съ подданныхъ нашихъ князскихъ, панскихъ и земянскихъ дерево бортное за границу пановъ своихъ отдавалъ, даровалъ и якимъ кольвекъ обычаемъ въ чужія руки заводилъ, таковый маетъ горломъ каранъ быти", т. е. подвергался смертной казни [4]).

---

[1]) „Очерки по организаціи западно-русскихъ крестьянъ въ XVI вѣкѣ", стр. 304—305.

[2]) Литовскій Статутъ 1588 года, раздѣлы VII, IX, XII.

[3]) „Очерки по организаціи западно-русскихъ крестьянъ въ XVI вѣкѣ", стр. 304.

Закрѣпощенію западно-русскихъ свободныхъ крестьянъ отчасти способствовалъ переломъ въ экономической жизни страны, потребовавшій выработки новыхъ условій рабочаго труда, но не подлежитъ никакому сомнѣнію вліяніе въ данномъ случаѣ и Польши. „Нельзя также отрицать", говоритъ проф. Леонтовичъ, „внѣшнихъ вліяній на организацію тягловыхъ отношеній литовско-русскихъ крестьянъ, главнымъ образомъ, со стороны западныхъ сосѣдей, въ особенности со времени первыхъ опытовъ польско-литовской уніи и полонизаціи края, вмѣстѣ съ развитіемъ шляхетскихъ вольностей и распространеніемъ въ Литвѣ-Руси польско-нѣмецкой волочной системы сельскаго хозяйства". („Крестьянскій дворъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ". Журн. Мин. Народн. Просв., 1897 г., апрѣль, стр. 415).

[4]) Лит. Ст. 1566 г., раздѣлъ X, артикулъ 6.

Наконецъ, крестьяне лишаются своего собственнаго суда и подчиняются суду своего пана, не исключая даже и обвиненія въ такихъ преступленіяхъ, за которыя полагалась смертная казнь [1]). Всего важнѣе было то постановленіе, по которому совмѣстные владѣльцы нераздѣльныхъ имѣній получали право суда надъ крестьянами не только сообща, но и каждый въ отдѣльности, и притомъ какъ по жалобамъ третьихъ лицъ, такъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда обвинителемъ или истцомъ являлся тотъ именно изъ участниковъ общаго владѣнія, которому предстояло творить судъ и расправу [2]). „Такимъ образомъ произволу владѣльца", говоритъ г. Новицкій, „который въ одно и то же время являлся и заинтересованною стороною, и судьей, и представителемъ власти исполнительной, представлялся полнѣйшій просторъ, а крестьянинъ, лишенный всякой гарантіи и покровительства закона, тѣмъ самымъ приближался къ положенію раба" [3]). Впрочемъ, въ болѣе важныхъ дѣлахъ помѣщикъ обязанъ былъ приглашать къ участію въ судѣ постороннихъ шляхтичей, своихъ пріятелей, отчего этотъ судъ назывался пріятельскимъ. Но и пріятельскій судъ не ограничивалъ произвола владѣльцевъ. „Иные паны", говоритъ вышеназванный авторъ г. Новицкій, „опираясь на право по закону или еще проще на свою силу, творили подобіе суда самоуправно, пытая безъ всякаго повода чужихъ крестьянъ, заставляя ихъ пыткою взводить на себя преступленія, предавая казни невиновныхъ обвиняемыхъ или попросту вѣшая безъ суда чужихъ подданныхъ изъ-за какого-нибудь сосѣдскаго спора, съ оставленіемъ при этомъ висѣлицъ по дорогамъ и селамъ въ видѣ предупрежденія и угрозы жителямъ послѣднихъ" [4]). Самоуправству шляхтичей не мало спо-

---

[1]) Въ 1387 году великій князь литовскій Ягайло освободилъ отъ общаго суда имѣнія, пожалованныя католическому духовенству, а въ 1457 году польскій король Казимиръ IV тоже самое сдѣлалъ и по отношенію къ имѣніямъ шляхетскимъ, но окончательное установленіе владѣльческаго суда относится къ концу XV и началу XVI вѣка (*Новицкій*: „Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VI, т. I, предисловіе, стр. 17—19).

[2]) Литовскій Статутъ 1529 года, раздѣлъ VI, артикулъ 32.

[3]) „Арх. Юго-Зап. Россіи", ч. VI, т. I, предисловіе, стр. 56.

[4]) Ibid., стр. 88.

собствовалъ законъ объ убійствахъ ими чужихъ крестьянъ. Въ древнѣйшее время, по Статутамъ 1529 и 1566 годовъ, шляхтичъ ограничивался за убійство чужого крестьянина лишь уплатой его пану головщины, или вознагражденія, и только въ концѣ XVI вѣка, по Статуту 1588 года, виновный въ убійствѣ шляхтичъ подвергался и смертной казни. Но послѣдняя была обставлена такими условіями, что шляхтичъ всегда могъ избѣжать ея. Такъ, въ этомъ же статутѣ сказано, что за убійство простолюдина шляхтичъ подвергается смертной казни только при поимкѣ его на самомъ преступленіи и, кромѣ того, когда обвинсніе будетъ подтверждено присягою истца самъ-семь, т. е. шестью свидѣтелями, людьми честными, неподозрительными и достойными вѣры, при чемъ въ числѣ свидѣтелей должны быть непремѣнно два шляхтича. При отсутствіи такихъ условій обвиняемый или освобождался отъ всякаго наказанія или только платилъ головщину. Съ другой стороны, шляхтичъ могъ сложить съ себя всякое обвиненіе только присягою самъ третъ съ двумя шляхтичами или простолюдинами [1]). Вообще обвиненія въ убійствѣ крестьянъ для шляхтичей были совершенно не опасны, и они нерѣдко отвѣчали на такія обвиненія въ шутливомъ тонѣ. Такъ, панъ Михаилъ Ласко, на упрекъ въ самоуправствѣ, отвѣчалъ: „Кто безвинно велѣлъ умертвить боярина Евхима, тотъ за него хорошо заплатитъ; а велѣлъ я его повѣсить потому, что онъ былъ въ то время моимъ крестьяниномъ“. Точно также отвѣчала и княгиня Настасья Козечина на вопросъ о безвинномъ истязаніи ею на пыткѣ крестьянина, принадлежавшаго князю Роману Сангушкѣ: „Я его казала змучити, яжъ его и заплачу“ [2]).

Въ 1569 году, по Люблинской уніи, произошло окончательное соединеніе Литвы съ Польшей въ одно государство съ однимъ королемъ, общимъ сеймомъ и общимъ сенатомъ. Къ этому времени литовско-русскіе дворяне, подобно польской шляхтѣ, уже вполнѣ

---

[1]) Литовскій Статутъ 1588 г., раздѣлъ XII, артикулъ 1, 3.

[2]) „Архивъ Юго-Западной Россіи“, ч. VI, т. I, предисловіе, стр. 89.

упрочили свое положеніе, какъ привилегированнаго сословія, и поставили въ полную зависимость отъ себя крестьянъ, получившихъ унизительное названіе хлоповъ. Подтвержденіемъ этого можетъ служить конституція Варшавской генеральной конфедераціи 1573 года. Въ этой конституціи шляхта даетъ обѣтъ не преслѣдовать другъ друга за разногласіе по дѣламъ вѣры и потомъ прибавляетъ: „однако конституція сія не должна нисколько нарушать власти надъ подданными какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ пановъ, ни ослаблять должнаго повиновенія панамъ ихъ подданныхъ; напротивъ того, если бы гдѣ-либо возникло своеволіе подъ предлогомъ разногласія вѣры, то въ такомъ случаѣ каждый панъ будетъ имѣть и впредь право, которое всегда имѣлъ, наказать по своему усмотрѣнію всякаго подданнаго, неповинующагося ему какъ въ свѣтскомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи“ [1]). Польскій историкъ Корзонъ такъ объясняетъ значеніе приведенной конституціи: „Въ этомъ параграфѣ заключалась отдача головы крестьянина, права надъ его жизнью и смертью (jus vitae et necis) въ руки его пана, т. е. въ руки каждаго шляхтича-владѣльца. Въ Литвѣ вмѣсто одного великаго князя Ягеллона, неограниченно распоряжавшагося кровью подданныхъ всѣхъ сословій, внезапно появились десятки тысячъ такихъ великихъ князей надъ однимъ крестьянскимъ сословіемъ. Вмѣсто княжескаго государственнаго суда для крестьянъ отнынѣ существовалъ только дворный судъ, патримоніальная юрисдикція съ самымъ высшимъ приговоромъ владѣльца. Послѣдствіемъ такого общественнаго переворота должно было явиться невольничество земледѣльческаго люда, какого мы нынѣ не видимъ ни въ одномъ цивилизованномъ обществѣ со временъ освобожденія негровъ изъ подъ власти плантаторовъ въ Америкѣ“ [2]). Въ такомъ положеніи крестьяне находились и въ послѣдующіе вѣка. Польскій юристъ XVIII вѣка Островскій такъ опредѣляетъ юридическое положеніе крѣпостныхъ людей его времени: 1) подданные не только сами, но и съ потомствомъ принадлежатъ владѣльцу; послѣдній имѣетъ

---

[1]) Volumina legum, т. II, стр. 124.

[2]) *Корзонъ*: „Kosciuszko“, стр. 64.

право ихъ продать, подарить или переселить въ другое мѣсто; 2) бѣглаго подданнаго владѣлецъ имѣетъ право разыскивать; 3) подданные не могутъ вести безъ своего пана ни гражданскихъ, ни уголовныхъ дѣлъ, и 4) крестьянинъ не имѣетъ собственности и ничего не можетъ завѣщать изъ имущества, которымъ онъ пользуется [1]). Къ этому слѣдуетъ добавить, что крестьянинъ не могъ вступать въ бракъ безъ разрѣшенія своего господина. Вообще шляхтичъ, по выраженію одного польскаго историка, въ своемъ имѣніи былъ „абсолютнымъ монархомъ“ [2]).

Хуже всего для западно-русскаго крестьянина было то обстоятельство, что помѣщику подчинены были не только его личность и имущество, но и его совѣсть. Конституція Варшавской конфедераціи 1573 года, предоставившая каждому пану право наказывать неповинующагося ему подданнаго въ духовномъ отношеніи, поставила въ самыя тяжелыя условія православныхъ крестьянъ, такъ какъ ихъ владѣльцы, перейдя изъ православія въ католичество, стали смотрѣть на своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, какъ на отступниковъ отъ истинной вѣры. Особенно ухудшилось положеніе православныхъ крестьянъ въ Западной Руси послѣ введенія тамъ церковной уніи (въ 1596 г.). Извѣстный историкъ В. Б. Антоновичъ, послѣ тщательнаго ознакомленія какъ съ польскимъ законодательствомъ о православной церкви, такъ и съ множествомъ дѣлъ о всевозможныхъ насиліяхъ католиковъ надъ православными, говоритъ слѣдующее: „Въ каждой данной мѣстности судьба православнаго священника и его прихожанъ зависѣла отъ расположенія духа, каприза или корыстолюбія владѣльца села или мѣстечка; но, умилостививъ послѣдняго, православные далеко еще не были безопасны: дворянинъ сосѣдъ, партія проходящихъ жолнеровъ, настоятель ближайшаго католическаго костела, иногда просто проѣзжій шляхтичъ, вдругъ неожиданно воодушевлялись фанатическимъ рвеніемъ и, въ видѣ нечаянной грозы, обрушивались на несчастный приходъ;—

---

[1]) „Prawo ciwilne narodu Polskiego“ 1787 г., т. I, стр. 47—50.

[2]) *Корзонъ*: „Wewnętrzne dzieje Polski“, т. I, стр. 365.

факты же, которыми выражалось это рвеніе, не удовлетворяли требованіямъ самой элементарной нравственности“ [1]).

III.

Службы, дворища и осѣдлые дымы.—Введеніе волочной системы.—Господарскія или королевскія, волости.—Раздѣленіе королевскихъ крестьянъ на три группы.—Ихъ повинности.—Староства.—Референдарскій судъ.

Такому безправному положенію западно-русскихъ крестьянъ соотвѣтствовало и обремененіе ихъ всевозможными повинностями. Размѣръ этихъ повинностей обыкновенно зависѣлъ отъ величины земельныхъ участковъ, находившихся въ пользованіи каждаго отдѣльнаго крестьянскаго хозяйства. Въ древнѣйшій періодъ, когда населеніе было рѣдко, крестьяне занимали столько земли, сколько могли обработать. Затѣмъ постепенно началось регулированіе размѣровъ крестьянскаго хозяйства, при чемъ оно подводилось къ извѣстнымъ нормамъ; такая, признаваемая за нормальную, средняя величина крестьянскаго владѣнія носила не одинаковое названіе въ разныхъ мѣстностяхъ: въ Литвѣ называлась она *службою*, на Волыни и Полѣсьи—*дворищемъ* и въ Украйнѣ—*осѣдлымъ дымомъ*. Но всѣ эти названія не опредѣляли сколько-нибудь точно величины участковъ; не только было различіе между службами и дворищами, но было также различіе между участками одного и того же наименованія. По нѣкоторымъ даннымъ можно, однако,

[1]) „Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи“, т. I, стр. 300. Приведемъ здѣсь еще отзывъ о религіозныхъ преслѣдованіяхъ русскаго народа въ Польской Украинѣ В. Мякотина. „Мы видѣли выше“, говоритъ почтенный историкъ, „что положеніе крестьянъ въ ней было едва-ли не тяжелѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ частяхъ Польши, такъ какъ къ экономическому утѣсненію здѣсь, благодаря различію религіи высшаго и низшаго классовъ народа, присоединялось угнетеніе чисто религіознаго характера. Украинскому народу силой навязывали ненавистную ему унію, не останавливаясь ни передъ какими средствами. Страшный фактъ сожженія живымъ крестьянина Данила Кушнира одинъ представлялъ бы уже достаточное доказательство этому, но болѣе мелкихъ фактовъ угнетенія православныхъ можно бы привести множество. Наряду съ этимъ произволъ помѣщиковъ и тѣмъ болѣе ихъ управляющихъ и поссессоровъ въ поборахъ съ крестьянъ, по свидѣтельству самихъ современниковъ-поляковъ, доходилъ до ужасающихъ размѣровъ“. („Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ“, стр. 196).

заключить, что земельные участки съ наименованіемъ службъ, дворищъ и дымовъ были довольно значительны, и хотя на нихъ помѣщалось не по одному, а по два и болѣе хозяйствъ, обезпеченіе ихъ земельными угодьями слѣдуетъ считать весьма достаточнымъ [1]). За эти земельные участки крестьяне отбывали барщину, платили чиншъ и давали дань натурою. Для примѣра приведемъ нѣсколько данныхъ относительно повинностей дворищныхъ крестьянъ Волынской губерніи во второй половинѣ XVI вѣка. Въ имѣніи Цевовскомъ крестьяне отбывали съ каждаго дворища барщины по шести дней въ недѣлю, платили по шести грошей чинша и давали по восьми мацъ [2]) овса и по двое куръ [3]); въ имѣніи Конюхахъ крестьяне обязаны были работать „коли роскажутъ", платить по полкопы грошей чинша, давать по двое куръ и по восьми мацъ овса [4]); въ имѣніи Верхово крестьяне отбывали барщины по три дня въ недѣлю „съ чимъ роскажутъ", платили по двѣнадцати грошей чинша и по два гроша порохового и сторожевого, давали съ вола по четвертыннику овса, по двое куръ и по одному гусю, подвода далекая и близкая (водле часу потребы), десятину отъ свиней, отъ овецъ и отъ пчелъ и одну яловицу [5]). Изъ этихъ примѣровъ видно, что и при дворищной системѣ земельнаго владѣнія крестьянскія повинности были довольно значительны, но если принять во вниманіе значительную величину дворищъ, то можно признать, что повинности эти не были особенно обременительны.

Эти благопріятныя для крестьянъ условія стали измѣняться со введеніемъ **волочной системы**, которая стала распространяться въ Сѣверо-Западной Руси въ XVI, а въ Юго-Западной въ XVII

---

[1]) *И. Новицкій*: „Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VI, т. I, предисловіе, стр. 101—103. Между прочимъ, этотъ авторъ опредѣляетъ величину одного дворища на Волыни въ 60 десятинъ пахатной и въ 20 сѣнокосной земли. Повидимому, такихъ же размѣровъ были и службы. Такъ, въ имѣніи Бѣлой, Полоцкаго воеводства, въ 1676 г. одна служба равнялась приблизительно 4 уволокамъ (40 службъ равнялось 150 уволокамъ).

[2]) *Маца* равнялась 1 Варшавскому гарнцу (около одной трети ведра). Словарь Горбачевскаго.

[3]) „Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VI, т. I, стр. 97.

[4]) Ibid., стр. 113.

[5]) Ibid., стр. 202.

вѣкѣ. Волочная система состояла въ точномъ измѣреніи земли и въ разбивкѣ ея на участки-уволоки, заключавшіе въ себѣ по 19 десятинъ. При введеніи этой системы землевладѣльцы выдѣляли лучшіе участки для устройства своихъ собственныхъ фермъ, извѣстныхъ подъ именемъ фольварковъ, а на остальныхъ селили крестьянскія семейства по одному, по два, а иногда и болѣе на каждой уволокѣ. Волочная система введена была какъ въ волостяхъ господарскихъ, или королевскихъ, такъ и въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ.

Въ королевскихъ волостяхъ порядки волочной системы опредѣлялись особой инструкціей, изданной въ 1557 году подъ названіемъ „Устава на волоки господаря его милости у во всемъ великомъ князствѣ Литовскомъ“. [1]) На основаніи этой „Уставы“ все сельское населеніе королевскихъ волостей подраздѣлялось на три категоріи: 1) служебные люди, 3) осадники и 3) тяглые крестьяне.

Служебные люди почти всѣ получали въ надѣлъ безплатно по двѣ уволоки земли, за что обязаны были отправлять разныя спеціальныя обязанности. Такъ, путные бояре отправляли подводную повинность, а нѣкоторые изъ нихъ, такъ называемые служки, постоянно жили при дворахъ для развозки писемъ, денегъ и разныхъ посылокъ; бортники въ военное время исполняли военную службу, а въ мирное время мостили мосты; стрѣльцы обязаны были являться на ловъ и на войну; осочники обязаны были оберегать пущи и участвовать въ ловахъ; сельскіе войты исполняли обязанности приказчиковъ и ближайшей полицейской власти; лавники обязаны были производить судебные осмотры и освидѣтельствованія [2]); наконецъ, конюхи и дворные слуги исполняли обязанности, соотвѣтствующія ихъ названію.

Осадниками назывались крестьяне, состоявшіе на оброкѣ; они обязаны были платить съ уволоки по 30 грошей чинша и давать

---

[1]) Этотъ документъ напечатанъ въ „Памятникахъ Кіевской Комиссіи“, т. II, отд. 2 и въ „Актахъ Западной Россіи“, т. III, № 19, стр. 72-92.

[2]) Лавники за свою службу получали особое вознагражденіе, поэтому волоки ихъ отъ повинностей не освобождались.

по бочкѣ ржи или вмѣсто того по 10 грошей; обязаны были также отбывать по 12 толокъ или заплатить за нихъ по 12 грошей и убирать половину фольварковыхъ сѣнокосовъ. Такой же оброкъ обыкновенно платили и служебные люди, если они не отправляли своихъ спеціальныхъ обязанностей.

Тяглые крестьяне, которыхъ было всего больше, получали въ надѣлъ по одной уволокѣ. Повинности ихъ съ каждой уволоки были слѣдующія: чинша платили 21, 12 и 8 грошей, смотря какого качества была земля; овса давали 2 или 1 бочку, или же по 10 грошей за бочку (5 за хлѣбъ и 5 за отвозку), по возу сѣна или по 5 грошей (3 сѣно и 2 отвозъ), по гусю или по 1½ гроша, по 2 курицы или по 16 пенязей, по 20 яицъ или по 4 пенязя, по 2 гроша на „неводы“ и по 2½ за „станцію“, т. е. за сборы, которые взимались по случаю проѣзда князя, туземныхъ или чужеземныхъ пословъ и разныхъ гонцовъ; барщины полагалось по 2 дня въ недѣлю и по 4 толоки лѣтомъ. Кромѣ тяглыхъ крестьянъ, при дворахъ существовали еще огородники, пользовавшіеся небольшими участками земли; за эти участки они, какъ и тяглые крестьяне, отбывали разныя повинности, но только въ меньшемъ размѣрѣ.

Согласно „Уставѣ на волоки“ въ королевскихъ имѣніяхъ наблюдалось, чтобы на каждую уволоку фольварковой запашки приходилось не менѣе семи уволокъ, находившихся въ пользованіи тяглыхъ крестьянъ, а крестьянскія повинности соразмѣрялись не только съ количествомъ, но и съ качествомъ земли.

Такое сравнительно благопріятное положеніе королевскихъ крестьянъ съ теченіемъ времени измѣнилось. Крулевщизны, или королевскія имѣнія, въ концѣ XVI вѣка раздѣлились на два разряда: одни назывались экономіями, или столовыми имѣніями, доходы съ которыхъ шли на содержаніе короля, а другія назывались староствами и раздавались въ пожизненное владѣніе шляхтѣ въ награду за заслуги (jako chleb zasłużonych). Первыя обыкновенно сдавались въ аренду частнымъ лицамъ, вторыми же управляли старосты на правахъ временныхъ владѣльцевъ. Положеніе крестьянъ какъ въ экономіяхъ, такъ и въ староствахъ

опредѣлялось инвентарями. Такъ назывались описи имѣній, заключавшія въ себѣ опись движимаго и недвижимаго имущества владѣльца, а также поименный списокъ крестьянъ съ перечисленіемъ членовъ ихъ семействъ, ихъ рабочаго скота и повинностей. Изъ сравненія инвентарей имѣній королевскихъ и частновладѣльческихъ видно, что крестьяне въ тѣхъ и другихъ имѣніяхъ обложены были почти одинаковыми повинностями. Это объясняется тѣмъ, что старосты въ своихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ пользовались такою же властью, какъ и частные владѣльцы. По выраженію одного польскаго писателя, староста былъ въ своемъ старостве полнымъ самодержцемъ (samowładzcą) [1]): онъ устанавливалъ количество барщины и другихъ рабочихъ дней, вводилъ разныя дани и денежные платежи, творилъ надъ крестьянами судъ, подвергалъ ихъ наказаніямъ и т. д. Старосты обязаны были только вносить въ казну на содержаніе войска кварту, т. е. четвертую часть доходовъ. Иногда для болѣе точнаго опредѣленія кварты, а также при новомъ пожалованіи кому-нибудь староства или при переходѣ его отъ одного лица къ другому, инвентари старостствъ провѣрялись королевскими чиновниками, такъ называемыми люстраторами, но послѣдніе нисколько не стѣсняли старостъ въ ихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ. Напримѣръ, въ старостве Куцки, Ошмянскаго повѣта, при провѣркѣ инвентаря въ 1789 г. люстраторы записали слѣдующее: „Эта деревня прежде отбывала барщину, теперь же посажена владѣльцемъ на чиншъ; оставляемъ затѣмъ на волю старосты, держать ее на чиншѣ или же обратить на барщину“ [2]).

Королевскіе крестьяне, въ случаѣ притѣсненія ихъ старостами и разными управителями, имѣли право приносить на нихъ жалобы въ референдарскій судъ, учрежденный въ концѣ XVI в. [3]). Но это право, повидимому, мало принесло пользы крестьянамъ. Польскій писатель Барановскій такъ изображаетъ дѣятельность

---

[1]) Encyklopedya powszechna, т. 23, стр. 983.

[2]) Акт. Вил. Арх. Ком., т. XXXV, № 93.

[3]) По словамъ г. Барановскаго, первое рѣшеніе *референдарскаго суда* относится къ 26 мая 1591 г. „Przegląd historyczny“ за 1909 г., вып. 1, стр. 83.

референдарскихъ судовъ: „Тѣснимые (naciśkani) и угнетаемые (nękani) старостами, связанные съ ними общностью своихъ классовыхъ интересовъ, судьи часто, даже очень часто, заходили далеко (posuwają się daley), устраивая отношенія между дворомъ и крестьянами на основаніи обычаевъ, господствующихъ въ другихъ староствахъ. Такъ, достаточно было одному владѣльцу въ данной мѣстности сломить упорство крестьянъ и увеличить число рабочихъ дней, какъ уже появлялся прецедентъ, который облегчалъ референдарскимъ судамъ узаконеніе увеличенныхъ тягостей. Иногда суды референдарскіе идутъ еще далѣе: они ничего не упоминаютъ объ „обычаяхъ", господствующихъ въ другихъ староствахъ, но разрѣшаютъ увеличеніе рабочихъ дней, принимая во вниманіе только пользу старостинскихъ фольварковъ. Постановленіе подобнаго рода на долгіе годы узаконяло злоупотребленія старостъ, ибо рѣшенія референдарскихъ судовъ, въ случаѣ позднѣйшихъ процессовъ, становились основой для разрѣшенія тяжбъ. Такимъ образомъ референдарскіе суды, благодаря своей излишней снисходительности, узаконивали введеніе въ королевскихъ имѣніяхъ всѣхъ тѣхъ тягостей и ограниченій, которыя прежде существовали только въ имѣніяхъ частновладѣльческихъ. Имъ то отчасти должны быть благодарны старостинскіе крестьяне за введеніе монополіи на водку и пиво, а часто и на мельницы; имъ должны быть благодарны за введеніе все новыхъ и новыхъ даровыхъ работъ; наконецъ, имъ же обязаны были увеличеніемъ количества барщинныхъ дней" [1]).

Чаще всего, по словамъ г. Барановскаго, королевскіе крестьяне жаловались на то, что старосты увеличивали количество фольварковъ въ староствахъ, захватывали въ свои руки пастбища, запрещали входъ въ лѣса, увеличивали количество рабочихъ дней, заставляли „обывателей" крулевщизнъ работать въ ихъ частныхъ имѣніяхъ и т. д. Но особенно гибельнымъ для крестьянъ было признаніе правила, въ силу котораго старосты (dzierżyciele kró-

---

[1]) *Игн. Тад. Барановскій*: „Sądy Referendarskie", въ журналѣ „Przegląd Historyczny", zeszyt 1, str. 93, 1909 г., Warszawa.

lewszczyzn) не отвѣчали за преступленія своихъ подстаростъ и арендаторовъ, а между тѣмъ послѣдніе нерѣдко совершали такія злоупотребленія и даже злодѣянія, которыя „взывали о мщеніи къ небу". Приведемъ рядъ подобныхъ насилій, заимствованныхъ г. Барановскимъ изъ референдарскихъ книгъ. Такъ, въ 1638 г. провентовый писарь въ старостве Гавролинскомъ причинялъ крестьянамъ всякія обиды, наѣзжалъ на ихъ дома и отнималъ у нихъ скотъ и деньги. Въ 1666 году подстароста Осецкій приказалъ созвать крестьянъ во дворъ и тамъ высѣкъ всѣхъ по одиночкѣ веревками, приговаривая: „вотъ вамъ, хлопы, право"; тотъ же подстароста, разсердившись на крестьянина Яна Вельгоса за обращеніе съ жалобою на него въ референдарскій судъ, заковалъ его въ кандалы. Въ 1671 году панъ Даніилъ Кржевскій, арендаторъ деревни Высоцина (Черскаго староства), разсердившись на крестьянъ за то, что они подали на него жалобу, приводилъ въ свой домъ на веревкѣ, надѣтой на шею, и тамъ ихъ билъ и калѣчилъ, требовалъ необычныхъ работъ и повинностей, разорялъ крестьянскія избы (chałupy), зимніе рабочіе дни переносилъ на весну и лѣто, забрасывалъ несправедливо (niesłusznie i nienależycie) пивомъ и т. д. Въ 1690 г. референдарскій судъ приказалъ сжечь крестьянскихъ пчелъ въ войтовствѣ Домбровскомъ, потому что пчелы эти, будто-бы очень злыя, не понравились владѣльцамъ войтовства панамъ Гуссаржевскимъ. Въ 1699 году панъ Павелъ Пражмовскій, староста Ломжинскій, пріѣхавши съ воинами въ Новогродъ, приневоливалъ бортниковъ къ необычной дани и приказалъ взять у нихъ силою 2000 злотыхъ, а когда тѣ заявили свой протестъ, приказалъ своимъ людямъ окружить ихъ, поочередно класть на землю и такъ бить, чтобы тѣло отпадало отъ костей; кромѣ того, онъ приказалъ своему управляющему Зимноху отнять у крестьянъ привилегіи, и нѣкоторыя изъ нихъ уничтожилъ. Панъ Щенсный Боски, державца Стромецкій, заковалъ въ цѣпи женщину, имѣвшую грудного младенца, вслѣдствіе чего младенецъ этотъ, оставленный дома безъ матери, умеръ отъ голода; тотъ же панъ Щенсный принуждалъ крестьянъ къ работамъ болѣе тяжкимъ, чѣмъ какія были установ-

влены, отнималъ у нихъ косы, серпы, платье и другое движимое имущество, безъ уважительной причины заковывалъ ихъ въ цѣпи и до такой степени издѣвался надъ ними, что они принуждены были скрываться (taić po kontach). Въ 1633 г. староста Осецкій застрѣлилъ своего поданнаго Мартина изъ деревни Гоцлавицъ; кромѣ того, онъ ужасно билъ и подвергалъ тюремному заключенію тѣхъ подданныхъ, которые обращались съ жалобой въ референдарскій судъ [1]).

Всѣ перечисленныя преступленія остались безнаказанными. Былъ только осужденъ на 6 недѣль заключенія и 60 гривенъ штрафа въ пользу одной богадѣльни арендаторъ Даніилъ Кржевскій, но и этотъ въ высшей степени снисходительный приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе. Дѣло затянулось на долго, назначались все новыя и новыя комиссіи, крестьяне разорялись на посылку делегатовъ на назначенные сроки, а между тѣмъ осужденный продолжалъ преслѣдовать крестьянъ, „позволяя своему слугѣ стоять надъ шеей подданныхъ съ обнаженной саблей". Наконецъ, безсильный референдаріатъ передалъ дѣло Черскому старостѣ, который едва ли могъ оказаться справедливымъ судьей по отношенію къ своему арендатору [2]). Само собою разумѣется, что старосты и даже ихъ официалисты почти совсѣмъ не подвергались наказаніямъ, такъ какъ референдарскіе судьи не рѣшались привлекать ихъ къ отвѣтственности [3]). Такимъ образомъ, референдаріатъ представлялъ весьма слабую защиту для королевскихъ крестьянъ Западной Россіи, тѣмъ болѣе, что значительная часть этого края, какъ воеводства Брац-

---

[1]) *Игн. Тад. Барановскій*: „Przegląd Historyczny", zeszyt 2, str. 170—177, 1909 г., Warszawa.

[2]) Ibid., стр. 175.

[3]) „Когда не хватало смѣлости карать старостъ", говоритъ г. Барановскій, „референдаріатъ отсылалъ дипломатически дѣла въ комиссіи, съ которыми умѣли ладить старосты и державцы, поэтому даже ужасное дѣло Пражмовскаго было передано комиссарамъ; началось безконечное слѣдствіе, крестьяне напрасно ѣздили въ назначенные сроки въ Варшаву, а панъ Пражмовскій веселился себѣ безнаказанно, и даже не знаемъ, дожилъ ли онъ до окончанія начатаго противъ него процесса". (Ibid., стр. 177).

лавское, Подольское и Кіевское, а также южная часть воеводствъ Русскаго и Волынскаго находились внѣ круга его дѣятельности [1]).

IV.

Частновладѣльческія имѣнія.—Крестьянскіе земельные участки.—Барщина.—Гвалты и другіе дополнительные рабочіе дни.—Денежные платежи.—Дань натурою.—Пропинація.—Заключеніе.—Повинности крестьянъ въ Юго-Западной Россіи.

Въ **имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ** порядки волочной системы опредѣлялись исключительно инвентарями, которые составлялись самими же помѣщиками по ихъ усмотрѣнію или, какъ сказано въ одномъ инвентарѣ, по ихъ „волѣ и желанію" [2]. На основаніи этихъ инвентарей можно установить размѣръ крестьянскихъ земельныхъ участковъ, количество барщины и дополнительныхъ рабочихъ дней, размѣръ денежныхъ платежей, виды и количество дани и даже степень благосостоянія крестьянъ. Разсмотримъ эти вопросы сначала по отношенію къ Сѣверо-Западному краю Россіи, а потомъ и къ Юго-Западному, ограничиваясь, главнымъ образомъ, второй половиной XVIII вѣка.

1) **Крестьянскіе земельные участки** въ первое время послѣ введенія волочной системы равнялись одной уволокѣ [3]), но съ теченіемъ времени они стали постепенно уменьшаться. Такъ, во второй половинѣ XVIII вѣка во многихъ имѣніяхъ Западной Россіи крестьянскіе участки состояли уже изъ $^1/_2$, $^1/_4$ и $^1/_8$ уволоки. Напримѣръ, въ имѣніи Венгровѣ, Ковенской губерніи, 19 крестьянъ имѣли по $^1/_2$ и 27—по $^1/_4$ уволоки [4]); въ имѣніи Кляпинѣ, Мин-

---

[1]) Т. X-cia. L. (Любомирскій): „Rolnicza ludnośc w Polsce", стр. 8. Здѣсь кстати замѣтимъ, что въ царствованіе послѣдняго польскаго короля, Станислава Понятовскаго, сдѣлано было нѣсколько попытокъ преобразовать *референдарскій судъ*, но попытки эти, по выраженію г. Барановскаго, „не произвели глубокихъ перемѣнъ въ организаціи и компетенціи" означеннаго суда. (См. „Przegl. Histor.", 1909 г., вып. 2, стр. 177—184).

[2]) Вилен. Центр. Арх., кн. № 12518, л. 72.

[3]) См. „Акты Вилен. Археогр. Ком.", т. XIV.

[4]) „Акты Вилен. Археогр. Ком.", т. XXXV, № 21.

ской губерніи, 5 крестьянъ имѣли по $^1/_2$ и 16—по $^1/_4$ уволоки [1]); въ имѣніи Каменцѣ, Витебской губерніи, 79 крестьянъ имѣли по $^1/_3$, 54—по $^1/_4$ и 20—по $^1/_8$ уволоки [2]); въ имѣніи Соболевкѣ, Могилевской губерніи, 26 крестьянъ имѣли по $^1/_4$ и 34—по $^1/_8$ уволоки [3]). Все это были уволоки тяглыя (grunt ciągły, osiadły, sadzibny, pryhonny), за которыя отбывалась барщина; но многіе крестьяне имѣли въ своемъ пользованіи и уволоки платныя (grunt płatny, czynszowy, przyiemny, kuniczny, bojarski, ziemianski); за которыя отбывались только дополнительные рабочіе дни и платился чиншъ. Напримѣръ, въ имѣніи Пониквахъ, Гродненской губерніи, 48 крестьянъ имѣли по $^1/_4$ уволоки тяглой и по $^1/_4$ уволоки платной [4]). Такое раздѣленіе крестьянскихъ участковъ на тяглые и платные, практиковавшееся во многихъ имѣніяхъ, было весьма выгодно для помѣщиковъ: получая съ своихъ имѣній увеличенный денежный доходъ, они въ то же время не терпѣли нужды въ рабочихъ рукахъ, такъ какъ недостатокъ барщинныхъ дней для обработки собственныхъ фермъ всегда могли пополнить дополнительными рабочими днями, число которыхъ вполнѣ зависѣло отъ ихъ усмотрѣнія [5]). Бывали, впрочемъ, случаи, когда помѣщикъ весь крестьянскій участокъ обращалъ въ платный, но подобные случаи встрѣчались въ видѣ исключенія [6]).

Такимъ образомъ, крестьянскіе земельные участки состояли не только изъ тяглой земли, но и платной. Если соединить ту и другую землю вмѣстѣ, то размѣръ крестьянскаго земельнаго участка во второй половинѣ XVIII вѣка можно принять въ среднемъ выводѣ приблизительно въ полъ-уволоки, т. е. въ $9^1/_2$ десятинъ пахотной и сѣнокосной земли [7]). Свои участки

---

1) Ibid., № 13.

2) Ibid., № 25.

3) Ibid., № 10.

4) Ibid., № 49.

5) Ibid., № 86.

6) Платными, или чиншевыми, участками пользовались особые классы сельскаго населенія—бояре и земяне, но число ихъ въ XVIII в. было незначительно. См. Акты Вил. Арх. Ком., т. XXXV, предисловіе, стр. XXVIII и слѣд.

7) „Акты Вилен. Арх. Ком.“, т. XXXV, предисл., стр. XIV.

крестьяне обязательно должны были обработывать сами и ни въ какомъ случаѣ не могли переуступать ихъ другимъ лицамъ [1]).

2) За право пользованія помѣщичьей землей крѣпостные крестьяне отбывали разныя повинности, изъ которыхъ самой главной была **барщина** (панщина, а въ Витебской и Могилевской губ.—пригонъ). Крестьянскіе земельные участки, какъ мы видѣли, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе уменьшались, наоборотъ, количество барщинныхъ дней все болѣе и болѣе увеличивалось. Такъ, съ 1 уволоки пахотной и сѣнокосной земли въ XVI вѣкѣ отбывалось барщины по 3—4 дня въ недѣлю [2]), а въ XVIII вѣкѣ—уже по 8—10 дней въ недѣлю. Приведемъ нѣсколько примѣровъ относительно издѣльной повинности крестьянъ изъ инвентарей второй половины XVIII вѣка. Въ имѣніи Рогачевѣ, Витебской губерніи, съ ¼ уволоки еженедѣльно отбывали барщины по 2 дня мужчины и по 2 дня женщины [3]); въ имѣніи Путиловѣ, той же губерніи, съ ¼ уволоки — по 1 дню мужчины и по 1 дню женщины [4]); въ имѣніи Кляпинѣ, Минской губерніи, съ ½ уволоки—по 3 дня мужчины или женщины [5]); въ имѣніи Соколовѣ, Виленской губерніи, съ ½—⅓ уволоки—по 2 дня мужчины и по 2 дня женщины [6]); въ имѣніи Савиничахъ, Могилевской губерніи, съ ¼ уволоки—по 2 дня мужчины и по 2 дня женщины [7]); въ имѣніи Заньковщинѣ, той же губерніи, съ 1—½ уволоки—по 3 дня мужчины и по 2 дня женщины [8]); въ имѣніи Лелюнахъ, Ковенской губерніи, съ ½ уволоки—по 3 дня мужчины и по 3 дня

---

[1]) Ibid., № 78. Не могли также крестьяне уходить на заработки. Вотъ что сказано объ этомъ въ инвентарѣ (1792 г.) имѣнія Бернова, Полоцкаго уѣзда: „крестьяне не должны быть увольняемы въ городъ на заработки ни подъ какимъ предлогомъ, но если бы отлучились безъ вѣдома двора и барщины въ свое время не отбыли, то за такое дерзкое ослушаніе должны быть наказаны, а потомъ должны были выполнить свои обязанности“. (Вил. Центр. Арх., кн. № 718, л. 502).

[2]) „Акты Вилен. Арх. Ком.“, т. XIV, стр. 187, 208, 315, 359, 466, 478, 538 и др.

[3]) „Акты Вилен. Арх. Ком.“, т. XXXV, № 2.

[4]) Ibid., № 11.

[5]) Ibid., № 13.

[6]) Ibid., № 5.

[7]) Ibid., № 36.

[8]) Ibid., № 86.

женщины [1]); въ имѣніи Торольдахъ, той же губерніи, съ $^1/_4$ уволоки—по 2 дня мужчины или женщины [2]); въ имѣніи Семеновкѣ, Гродненской губерніи, съ $^1/_2$ уволоки—по 3 дня мужчины и по 3 дня женщины [3]). Изъ этихъ примѣровъ видно, что въ однихъ имѣніяхъ барщинныхъ дней было больше, а въ другихъ меньше. Такое разнообразіе въ отбываніи барщины зависѣло отъ количества другихъ повинностей: гдѣ крестьяне отбывали много дополнительныхъ рабочихъ дней и много вносили денежныхъ платежей и разной дани, тамъ барщины было меньше. Такимъ образомъ, барщина была неодинакова въ разныхъ имѣніяхъ, но если принять во вниманіе порядки большинства имѣній, то количество барщинныхъ дней во второй половинѣ XVIII вѣка можно принять въ среднемъ выводѣ приблизительно по 4 дня въ недѣлю съ крестьянскаго семейства, имѣвшаго въ своемъ пользованіи полъ-уволоки тяглой земли [4]).

Барщина несомнѣнно была одной изъ самыхъ тяжелыхъ повинностей. Въ лѣтнее время число барщинныхъ дней нерѣдко увеличивалось, при чемъ лѣтнее время опредѣлялось самими помѣщиками совершенно произвольно; такъ, для однихъ лѣто продолжалось отъ св. Георгія весенняго до св. Георгія осенняго, для другихъ отъ св. Якова до св. Мартина, для третьихъ отъ Пасхи до Филиппова поста и т. д. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ женскія работы исполнялись посредствомъ дополнительныхъ рабочихъ дней, а барщину отбывали исключительно мужчины, при чемъ послѣдніе иногда обязаны были являться на работу съ помощниками. Напримѣръ, въ имѣніи Мейшаголѣ, Виленскаго повѣта, каждый крестьянинъ съ $^1/_2$ уволоки обязанъ былъ работать помѣщику отъ св. Георгія (23 апрѣля) и до Всѣхъ Святыхъ (1 ноября), съ парой рабочаго скота и съ помощникомъ (unternikiem), не выходя со двора, 5 дней въ теченіе одной недѣли, а въ другую недѣлю былъ свободенъ, за исключеніемъ одного дня, когда онъ обязанъ былъ являться на гвалты также съ помощникомъ и съ парой рабочаго скота; въ

---

1) Ibid., № 52.
2) Ibid., № 78.
3) Ibid., № 59.
4) Ibid., предисловіе, стр. XVI.

остальное же время года, т. е. отъ Всѣхъ Святыхъ и до св. Георгія крестьянинъ обязанъ былъ отбывать тѣ же 5 дней, но съ одной лошадью и безъ помощника и освобождался отъ еженедѣльныхъ гвалтовъ [1]). Въ имѣніи Венгровѣ, Вилкомирскаго повѣта, съ $^1/_2$—$^1/_4$ уволоки отъ св. Георгія и до св. Мартина (11 ноября) каждый крестьянинъ отбывалъ барщины по 3 дня въ недѣлю съ помощникомъ, а отъ св. Мартина и до св. Георгія по 3 дня безъ помощника; но если бы какой нибудь крестьянинъ не имѣлъ помощника, то за все лѣто обязанъ былъ уплатить помѣщику 10 злотыхъ; этой льготой не могли пользоваться богатые, а только тѣ, у которыхъ были малолѣтнія дѣти, небольшая семья или кто не могъ нанять помощника (dostać czeladzi) [2]). Нѣкоторые помѣщики заставляли крестьянъ работать даже по праздникамъ, при чемъ послѣдніе дѣлились между дворомъ и крестьянами пополамъ (swięta ze dworem wpuł dzielone być powinne) [3]). На работу крестьяне обязаны были являться „съ чѣмъ роскажутъ", т. е. съ рабочимъ скотомъ или пѣшими, и работать отъ восхода и до захода солнца, пользуясь весьма незначительными промежутками времени для подкрѣпленія себя пищею, а всякое уклоненіе отъ выхода на работу влекло за собою самыя суровыя мѣры со стороны владѣльца. Вотъ, напримѣръ, какъ описанъ порядокъ отбыванія барщины въ инвентарѣ имѣнія Раклишки, Лидскаго повѣта, отъ 1585 года: „На работу крестьяне обязаны выходить и становиться на назначенномъ мѣстѣ съ восходомъ солнца, а уходить съ работы скоро по заходѣ солнца; работу же долженъ заказать войтъ или урядникъ; а ктобы послѣ таковаго заказа не вышелъ на работу, тотъ за такое непослушаніе долженъ работать за одинъ день два дня, не уходя со двора, а за другой день—четыре дня, также не уходя со двора; а если бы всѣ три дня кто-нибудь не вышелъ или въ теченіе шести недѣль дозволилъ себѣ это, особенно лѣтомъ, по разу въ недѣлю, то за это цѣлую недѣлю въ оковахъ долженъ работать на

---

[1]) Ibid., № 4.
[2]) Ibid., № 21.
[3]) Ibid., № 21.

дворѣ, а послѣ этого урядннку долженъ дать барана; а если бы и послѣ того оказался упорнымъ, тогда—бичеваніе у столба. Однако же, если бы кто по причинѣ болѣзни не могъ выйти на работу, тотъ долженъ дать знать уряднику или войту черезъ сосѣда, надежнаго человѣка, а урядникъ долженъ къ нему заѣхать, осмотрѣть его и, убѣдившись въ уважительности причины, не долженъ подвергать его ни одному изъ названныхъ наказаній. Но если бы кто по какой-нибудь другой причинѣ отъ этой работы хотѣлъ уклониться, тогда онъ долженъ кого-нибудь другого послать вмѣсто себя на эту работу подъ страхомъ вышеописаннаго наказанія. А отъ работы никто не долженъ отказываться; а если бы относительно кого-нибудь это было доказано, то таковаго подвергали карѣ, какъ за воровство (złodzieyską wyną ma bydz karan). Отдыха тѣмъ, которые со скотомъ работаютъ, передъ обѣдомъ одинъ часъ, въ полдень часъ и передъ вечеромъ часъ; а работающимъ безъ скота отдыха въ тѣ же часы по полчаса, и то только лѣтомъ, когда бываютъ большіе дни" [1]).

3) Число рабочихъ дней каждаго крестьянина въ пользу помѣщика далеко не исчерпывалось барщиной; вездѣ были еще дополнительные, или сверхбарщинные рабочіе дни, которые въ Сѣверо-Западной Руси назывались **гвалтами** (въ Витебской и Могилевской губерніяхъ—**згонами**) [2]). Гвалты требовались въ томъ или другомъ количествѣ отъ каждаго крестьянскаго дыма (chaty), независимо отъ размѣровъ участка земли, находившагося въ пользованіи крестьянина (a nie według gruntu rachuiąc [3]). Гвалты подраздѣлялись на малые и большіе, или генеральные. Въ первомъ случаѣ на работу долженъ былъ являться только одинъ работникъ отъ каждаго дыма, а во второмъ—всѣ способные къ работѣ члены крестьянской семьи, за исключеніемъ одного лица,

---

[1]) „Акты Виленской Археографической Коммиссіи", т. XIV, стр. 315.

[2]) Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Витебской губерніи въ дополненіе къ згонамъ существовали еще уроки. Такъ назывались дополнительные рабочіе дни, назначенные спеціально для уборки сѣна (См. „Акт. Вил. Арх. Ком.", т. XXXV, №№ 3, 44. 47, 53, 58 и 65).

[3]) Ibid., № 53.

которое могло остаться дома для присмотра за огнемъ и для охраны имущества отъ воровъ (dla pilnowania ognia y złodzieja) [1]). Двѣнадцатилѣтніе дѣти въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ признавались уже работоспособными и должны были выходить на работу [2]). Гвалты были обязательными рабочими днями во время осенней и весенней пахоты, вывозки навоза, жнитва и уборки сѣна, т. е. въ тѣ дни, когда въ имѣніяхъ особенно много скоплялось неотложной работы. Число гвалтовъ отъ одного дыма въ теченіе года было неодинаково въ разныхъ имѣніяхъ. Напримѣръ, въ имѣніи Угольцѣ, Пинскаго повѣта, было 3 гвалта [3]); въ имѣніи Рогачевѣ, Витебскаго повѣта, было 10 гвалтовъ [4]); въ имѣніи Самсоновѣ, Ошмянского повѣта, было 12 гвалтовъ [5]); въ имѣніи Лелюнахъ, Вилкомирскаго повѣта, было 12 гвалтовъ [6]); въ имѣніи Лососинѣ, Витебскаго повѣта, было 15 гвалтовъ [7]); въ имѣніи Соколовѣ, Ошмянскаго повѣта, было по 1 гвалту въ недѣлю [8]) и въ имѣніи Семеновкѣ, Гродненскаго повѣта, было по 1 гвалту въ недѣлю [9]). Изъ этихъ примѣровъ видно, что крестьяне въ разныхъ имѣніяхъ отбывали гвалтовъ отъ 3 до 15, а гдѣ были въ обычаѣ еженедѣльные гвалты, даже до 25 въ годъ. Принимая во вниманіе, что въ большинствѣ случаевъ гвалты были большіе и что въ каждомъ крестьянскомъ семействѣ было не менѣе 3-хъ работниковъ, можно въ среднемъ выводѣ принять для второй половины XVIII вѣка по 36 малыхъ гвалтовъ (по 1 человѣку) въ годъ на каждый крестьянскій дымъ [10]).

Кромѣ гвалтовъ, на крестьянъ возлагалось не мало второстепенныхъ дополнительныхъ работъ, изъ которыхъ самую распространенную составляла молотьба. Почти во всѣхъ имѣніяхъ крестьяне

---

[1]) Ibid., № 68 и др.
[2]) Ibid., № 81.
[3]) Ibid., № 30.
[4]) Ibid., № 2.
[5]) Ibid., № 10.
[6]) Ibid., № 52.
[7]) Ibid., № 62.
[8]) Ibid., № 5.
[9]) Ibid., № 54.
[10]) Ibid., предисловіе, стр. XVIII.

обязаны были ходить на молотьбу небольшими группами, „хоть бы и по два раза въ недѣлю“ [1]), до тѣхъ поръ, пока не будетъ вымолоченъ весь господскій хлѣбъ. Эта повинность обыкновенно отбывалась поздней осенью и зимой, а такъ какъ дни въ это время года бываютъ короче лѣтнихъ, то работа должна была производиться ночью (już nie dni, ale nocy do młodzby iść powinni [2]). Иногда крестьяне обязаны были являться на молотьбу со своими дровами и предварительно высушивать господскій хлѣбъ въ овинѣ [3]). По окончаніи ночной молотьбы крестьяне не всегда отпускались домой; въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ они обязаны были исполнять во дворѣ разныя работы съ лошадью еще и днемъ (do młocenia o kurach, we dnie robocizna z koniem do czego dwor każe [4]). Не менѣе распространенную повинность составляли сторожа (straż, stróżowszczyzna) и ночная стража (warta, ponocne), которыя существовали во всѣхъ имѣніяхъ. Сторожей называлась обязанность крестьянъ являться по очереди во дворъ помѣщика на недѣлю для исполненія разныхъ домашнихъ работъ; ночной же стражей была повинность охранять господскій дворъ ночью, чередуясь каждую ночь. Сторожу крестьяне отбывали въ небольшихъ имѣніяхъ по одному, въ болѣе значительныхъ—по два, по три и болѣе человѣкъ [5]), а стражу– всегда по одному человѣку. Такую же постоянную повинность составляла обязанность крестьянъ отвозить господскій хлѣбъ на мельницу и въ мѣста его сбыта, иногда верстъ за 100, 200 и болѣе. Вообще крестьяне обязаны были выполнять сверхъ барщины множество самыхъ разнообразныхъ работъ. Такъ, они должны были починять дворовыя постройки и мельницы, возить дрова, исправлять плотины, мосты и дороги, ловить рыбу, являться на облаву, иногда съ своими сѣтями, заготовлять волчьи ямы, приготовлять для помѣщика солодъ, дѣлать крупу, возить въ

---

[1]) Ibid., № 2.

[2]) Ibid., № 76.

[3]) Ibid., № 2.

[4]) Ibid., № 67.

[5]) Иногда крестьянъ обязывали нанимать на свой счетъ сторожа и сторожиху на цѣлый годъ. Ibid., № 35.

ледникъ ледъ, выжигать золу, чистить трубы и т. д. Въ тоже время жены крестьянъ обязаны были, сверхъ барщины и гвалтовъ, приготовлять на господскомъ огородѣ грядки, садить и поливать капусту, полоть, прясть, ткать, стирать бѣлье, стлать ленъ, мыть и стричь овецъ и т. д.

Количество дополнительныхъ рабочихъ дней почти никогда не обозначалось въ инвентаряхъ, и помѣщики оставляли за собою право требовать ихъ столько, сколько понадобится. Напримѣръ, въ имѣніяхъ Шолковѣ и Шовковѣ, Вилкомирскаго повѣта, крестьяне должны были отбывать гвалты „по соображенію двора" (podług umiarkowania dwornego), подводы назначалъ помѣщикъ по „своей волѣ и желанію" (podług woli y upodobania), а всѣ другія повинности зависѣли отъ „неограниченной воли" (absolutney woli) владѣльца [1]). Еще меньше опредѣленности существовало относительно женскихъ повинностей. Въ нѣкоторыхъ инвентаряхъ прямо сказано, что крестьянки должны были приходить на господскую работу столько разъ, сколько нужно будетъ (tyle razy, ile tego potrzeba będzie wyciągała [2]), и отбывать такія повинности, какія дворъ потребуетъ (iakie ieno dwor potrzebowac będzie [3]). Въ виду такого произвола помѣщиковъ въ требованіи отъ крестьянъ рабочихъ дней, очень трудно установить ихъ общее число, но на основаніи многихъ инвентарей второй половины XVIII вѣка можно принять въ среднемъ выводѣ до 40 второстепенныхъ (кромѣ гвалтовъ) дополнительныхъ рабочихъ дней, падавшихъ на каждый крестьянскій дымъ въ теченіе года.

4) Независимо отъ барщины и всевозможныхъ дополнительныхъ рабочихъ дней, крестьяне обязаны были вносить своему помѣщику разные денежные платежи, изъ которыхъ наиболѣе постоянными были: чиншъ, подорощизна и подымное.

Чиншъ взимался не только за платныя уволоки, но и за тяглыя. Размѣръ этого налога отличался большимъ разнообразіемъ:

---

[1]) „Вилен. Центр. Арх., кн. № 13944, л 846. См. также „Акты Вил. Арх. Ком." т. XXXV, №№ 42, 45, 86 и др.

[2]) „Акты Вил. Арх. Ком.", т XXXV, № 55.

[3]) Ibid., № 16.

не только въ разныхъ имѣніяхъ, но часто въ одномъ и томъ же онъ былъ далеко не одинаковъ, а гдѣ издѣльная повинность была очень высока, его и совсѣмъ не было. Напримѣръ, въ имѣніи Ледцѣ, Витебской губерніи, въ 1775 г. съ 1 куничной уволоки крестьяне ежегодно платили чинша по 8 руб. или по 80 злотыхъ русскихъ, а съ 1 глухокуничной, т. е. такой, за которую не полагалось не только барщины, но и дополнительныхъ рабочихъ дней, платили по 10 рублей [1]; въ имѣніи Торольдахъ, Ковенской губерніи, въ 1784 году платили съ 1/4 уволоки пріемной по 25 злотыхъ [2]; въ имѣніи Самсоновѣ, Виленской губерніи, въ 1756 году платили съ 1 уволоки тяглой по 2 злотыхъ [3]; въ имѣніи Сорахъ, той же губерніи, въ 1782 году, съ 1 уволоки тяглой платили по 20 золотыхъ и 20 грошей [4]; въ имѣніи Савиничахъ, Могилевской губерніи, въ 1771 году съ 1/4 уволоки тяглой платили по 36 злотыхъ [5]; въ имѣніи Дубоѣ, Минской губерніи, въ 1773 году съ 1 уволоки тяглой платили по 9 злотыхъ и съ 1 уволоки пріемной по 15—21 злотому [6]. Несмотря, однако, на такое разнообразіе въ количествѣ платимаго крестьянами чинша, на основаніи инвентарей размѣръ его для второй половины XVIII вѣка можно принять въ среднемъ выводѣ по 80 злотыхъ для уволокъ платныхъ и по 10 злотыхъ для уволокъ тяглыхъ въ годъ [7].

Поставка подводъ крестьянами своимъ помѣщикамъ принадлежала къ числу самыхъ обычныхъ повинностей, но въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ разрѣшалось за подводы вносить опредѣленную сумму денегъ, которая называлась **подорощизной**. Напримѣръ, за одну подводу въ Ригу взималась слѣдующая подорощизна: въ имѣніи Самсоновѣ, Ошмянскаго повѣта,—по 8 злотыхъ [8]), въ им.

---

[1] Ibid., № 53.
[2] Ibid., № 78.
[3] Ibid., № 10.
[4] Ibid., № 73.
[5] Ibid. № 36.
[6] Ibid., № 46.
[7] Ibid., предисловіе, стр. XXI.
[8] Ibid., № 10.

Сорахъ, того же повѣта,—по 24 злотыхъ [1]), въ им. Островщизнѣ, Вилкомирскаго повѣта,—по 16 злотыхъ [2]) и въ им. Лососинѣ, Витебскаго повѣта, — по 6 рублей [3]). Впрочемъ, подорощизна въ Сѣверо-Западномъ краѣ принадлежала къ числу платежей мало распространенныхъ, а преобладала поставка подводъ въ натурѣ. Стоимость этой повинности во второй половинѣ XVIII в. можно опредѣлить, на основаніи инвентарей, приблизительно въ 10 злотыхъ въ годъ съ каждаго дыма.

Подымнымъ называлась государственная подать, которая взималась ежегодно съ каждаго крестьянскаго дыма. Размѣръ ея опредѣлялся особыми постановленіями сейма. Въ виду этого условія подымное за извѣстный періодъ времени должно было бы взиматься въ одномъ и томъ же размѣрѣ, но на практикѣ этого не было: не только въ разныхъ, а даже въ однихъ и тѣхъ же имѣніяхъ налогъ этотъ былъ далеко не одинаковъ. Напримѣръ, въ имѣніи Мейшаголѣ, Виленскаго повѣта, въ 1753 году было 28 крестьянъ, изъ которыхъ 6 платили по 2 зл., 1—3 зл., 11—по 4 зл., 3—по 6 зл. и 7—по 8 зл. въ годъ [4]); въ имѣніи Венгровѣ, Вилкомирскаго повѣта, въ 1761 году крестьяне платили подымнаго по 2 злотыхъ [5]); въ имѣніи Свѣтлянахъ, Ошмянскаго повѣта, въ 1784 году—по 6 злотыхъ [6]) и въ имѣніи Рѣпшахъ, Тельшевскаго повѣта, въ 1785 году—по 12 злотыхъ [7]). Такое разнообразіе въ уплатѣ подымнаго указываетъ на то, что нѣкоторые помѣщики, пользуясь государственною податью, устанавливали извѣстный налогъ и въ свою пользу. Размѣръ такого подымнаго во второй половинѣ XVIII вѣка можно принять въ среднемъ выводѣ по 5 злотыхъ въ годъ съ каждаго крестьянскаго дыма.

---

[1]) Ibid., № 73.

[2]) Ibid., № 76.

[3]) Ibid., № 62.

[4]) Ibid., № 4.

[5]) Ibid., № 21.

[6]) Ibid., № 77.

[7]) Ibid., № 79.

Кромѣ перечисленныхъ платежей, въ нѣкоторыхъ инвентаряхъ встрѣчаются еще и другія, какъ напримѣръ, куница—налогъ за выходъ замужъ вдовъ и дѣвушекъ [1]), за дробь--налогъ за мелкую птицу, грошовое по одному грошу отъ каждаго уплачиваемаго помѣщику злотаго, вепровщина, роговое, воловщина, торговое, вѣсчее, или ваговое, помѣрное, погребельное, пороховое, облавщина и т. д.

5. Дань натурою извѣстна была въ Сѣверо-Западномъ краѣ подъ названіемъ **дякла** и касалась всѣхъ предметовъ крестьянскаго хозяйства. Обыкновенно крестьяне обязаны были доставлять своему помѣщику въ установленномъ послѣднимъ количествѣ слѣдующіе предметы: рожь, овесъ, ячмень, хмель, ленъ, пеньку, сѣно, тальки, или мотки, полотно, гусей, куръ, каплуновъ, яловицъ, барановъ, грибы, орѣхи, ягоды, медъ, рыбу, лыко, дрова, драпь, сѣти, маты, или цыновки, мѣшки, колеса и т. п. Иногда помѣщиками требовались такіе предметы, которые крестьянами не изготовлялись, а покупались, какъ напримѣръ, кошениль [2]). Но наиболѣе распространенными видами дани всетаки были обычные предметы крестьянскаго хозяйства, какъ зерновой хлѣбъ, домашняя птица и медъ. Размѣръ дани съ отдѣльнаго крестьянскаго хозяйства опредѣлялся слѣдующимъ образомъ: ржи, овса и хмеля—отъ 2 до 4-хъ осьминъ; грибовъ—отъ 1 до 2 копъ или 2 вѣнка; орѣховъ и ягодъ—отъ 1 до 2 гарнцевъ [3]); куръ и каплуновъ—отъ 1 до 2 штукъ; гусей—отъ $1/2$ до 1 штуки, яицъ—отъ 5 до 30 штукъ; талекъ—отъ 1 до 2 и болѣе; льну—около 10 связокъ; полотна—отъ 2 до 4 локтей; сѣтей—отъ $1^1/_2$ до 20 саженей; лыкъ—около 1 копы витушекъ; драни—около 2 копъ; дровъ и сѣна—

---

[1]) Въ имѣніи Худовецъ, Ошмянскаго повѣта, за выходъ замужъ дѣвушки въ томъ же самомъ имѣніи куница опредѣлена была въ одинъ шостакъ и курицу, а за выходъ въ чужое имѣніе—въ одинъ рубль. (Вил. Центр. Арх., кн. № 15479, л. 521).

[2]) Ibid., № 35.

[3]) Въ случаѣ неурожая грибовъ, ягодъ и орѣховъ, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьяне обязаны были платить за нихъ, по условію съ дворомъ, курами. („Акты Вил. Арх. Ком.“, т. XXXV, № 23).

отъ 1 до 2 возовъ и меду—половину [1]). Послѣдній представлялъ для помѣщиковъ особый интересъ, потому что они брали себѣ не только одну часть всего сбора, но нерѣдко оставляли за собою право требовать отъ крестьянъ за извѣстную плату и другую. Повидимому, этотъ обычай былъ значительно распространенъ, такъ какъ опытные хозяева іезуиты, владѣвшіе въ Пинскомъ повѣтѣ обширнымъ имѣніемъ Дубой, нашли нужнымъ включить въ свой инвентарь условіе, „что доставшейся крестьянамъ части меда дворъ не будетъ отнимать (odbierac nie będzie), а предоставляетъ полную свободу продавать кому угодно“ [2]). Перечисленные виды дани не всѣ были обязательны для каждаго крестьянскаго хозяйства. Въ однихъ имѣніяхъ не существовало дани зерновымъ хлѣбомъ, въ другихъ - каплунами, въ третьихъ—дровами, въ четвертыхъ—сѣномъ и т. д., но если подвести итогъ той дани, которую вносили крестьяне большинства имѣній, то стоимость ея во второй половинѣ XVIII вѣка можно опредѣлить въ 10 злотыхъ для каждаго отдѣльнаго крестьянскаго хозяйства [3]).

Въ числѣ доходовъ помѣщика была еще **пропинація**, которая состояла не только въ правѣ торговли крѣпкими напитками, но и въ запрещеніи крестьянамъ покупать ихъ гдѣ либо на сторонѣ. Вотъ какъ объ этомъ сказано въ арендномъ листѣ на имѣніе Микитичи, Луцкаго повѣта, отъ 1607 года: „Питя вшелякого на потребы свои нигде инде не брать, а ни привозить, кромѣ корчемъ помененныхъ; а гдѣ бы которого досведчено съ тымъ за слушнымъ доводомъ, маетъ заплатить вины на мене и на арендара три копы грошей литовскихъ. Также пива волные въ тыхъ маетностяхъ моихъ быть не маютъ, опрочъ веселъ (свадебъ), и то за ведомостю арендаровъ, отъ которыхъ броварщизны повиненъ заплатить грошей дванадцать и мерку солодовую“ [4]). Нерѣдко за покупку крѣп-

[1]) Меду крестьяне должны были давать половину не только отъ осенняго сбора, но и отъ весенняго, т. е. отъ пропавшихъ за зиму пчелъ (tudzież na wiosnę z odpadłych y podmiatanych pszczoł miod y wosk po połowie do dworu przy widzu dawac maią). „Акты Вил. Арх. Ком.“, т. XXXV, № 80.

[2]) Ibid., № 46.

[3]) Ibid., предисловіе, стр. XXIV.

[4]) „Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. VI, т. I, стр. 343.

кихъ напитковъ въ постороннихъ корчмахъ крестьяне подвергались не только штрафу, но и побоямъ. Такъ, въ имѣніи виленскаго епископа Массальскаго Германишкахъ, Ошмянскаго повѣта, уличенные въ этомъ „преступленіи" крестьяне наказывались тридцатью ударами и платили по 4 злотыхъ штрафа [1]), а въ имѣніи Семятичахъ, Дорогичинскаго повѣта, за привозъ крѣпкихъ напитковъ изъ чужого помѣстья крестьянинъ подвергался штрафу и 100 ударамъ на рынкѣ [2]). Вообще пропинація была страшнымъ бѣдствіемъ для крестьянъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Западной Руси. „Кромѣ работы на барщинѣ", говоритъ одинъ историкъ, „кромѣ всевозможныхъ прямыхъ повинностей и даней, существовали еще косвенныя средства эксплуатаціи его труда и имущества, изъ которыхъ самымъ распространеннымъ и въ тоже время самымъ тяжелымъ для крестьянъ была пропинація. Помѣщикъ обязывалъ своихъ крестьянъ брать у него или его арендатора извѣстное количество крѣпкихъ напитковъ, хотя бы вообще они не пили. Этотъ обычай, дѣлавшій источникомъ панскаго дохода пьянство хлоповъ, долженъ былъ, конечно, самымъ губительнымъ образомъ влiять на народное хозяйство, прививая крестьянамъ вредную привычку. Результатомъ его во многихъ мѣстностяхъ явилось повальное пьянство крестьянъ, при которомъ и безъ того не имѣвшіе особыхъ средствъ хлопы теряли послѣднее достояніе" [3]).

Кромѣ пропинаціи, были еще и другія монополіи. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьяне обязаны были покупать все необходимое для нихъ, какъ соль, сельди, косы, лемехи только у

---

[1]) Вилен. Центр. Арх., кн. № 4066.

[2]) „Rolnicza ludność w Polsce", Т. X-cia L. (Любомирскаго). Warszawa, 1862 г., стр. 59.

[3]) *В. Мякотинъ:* „Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ", стр. 72. Этотъ же историкъ приводитъ, со словъ одного польскаго писателя, слѣдующій фактъ относительно пропинаціи въ Польшѣ, прекрасно характеризующій заботы пановъ объ этой статьѣ доходовъ: „Случилось разъ, что въ одну деревню пріѣхалъ комиссаръ и на прогулкѣ съ экономомъ увидѣлъ густыя толпы крестьянъ. Онъ спросилъ эконома, что это значитъ, и получилъ отвѣтъ, что тамъ находится очень хорошій источникъ, къ которому крестьяне собираются пить воду. Тогда комиссаръ приказалъ разогнать крестьянъ, а упорныхъ бить, опасаясь, чтобы чрезъ это не пострадала панская пропинація".

своихъ владѣльцевъ; нѣкоторые припасы, напримѣръ соль, предписывалось пріобрѣтать непремѣнно въ установленномъ на каждую семью количествѣ; запрещалось также крестьянину продавать его хозяйственныя произведенія кому либо другому, кромѣ своего владѣльца или еврея арендатора [1]).

Установивъ приблизительно виды и количество разныхъ повинностей, падавшихъ на каждое крестьянское хозяйство, подведемъ имъ общій итогъ, принимая за общую мѣру стоимость рабочихъ дней. Барщины крестьяне отбывали въ годъ съ полъ-уволоки пахотной и сѣнокосной земли 190 дней, стоимостью въ 9 руб. 50 коп. [2]); гвалтовъ и другихъ дополнительныхъ, или сверхбарщинныхъ, рабочихъ дней—76, стоимостью въ 3 руб. 80 коп; чинша, подорощизны и подымнаго платили 4 руб. 25 коп., что составитъ 85 рабочихъ дней, и дани натурою на 1 р. 50 коп., что составитъ 30 рабочихъ дней. Сложивши всѣ эти итоги, получимъ 381 рабочій день, стоимостью въ 19 рублей 5 коп. Эти цыфры и будутъ выражать собою степень экономической зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ во второй половинѣ XVIII вѣка.

Теперь перейдемъ къ опредѣленію крестьянскихъ повинностей въ Юго-Западной Россіи за тотъ же періодъ времени. По изслѣдованію профессора В. Б. Антоновича въ концѣ XVIII вѣка на Волыни количество барщины равнялось 4 днямъ въ недѣлю съ каждаго крестьянскаго хозяйства (размѣръ крестьянскихъ участковъ не извѣстенъ). Дополнительные, или сверхбарщинные, рабочіе дни носили здѣсь слѣдующія названія: толоки, шарварки, зажинки, обжинки, закоски, обкоски, заорки и оборки. Толоки были обязательною работою, но за угощеніе; впрочемъ, давать

---

[1]) См. соч. *В. И. Семеновскаго*: „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II“, т. II, стр. 94. Иногда крестьянамъ разрѣшалась свобода торговли за извѣстные налоги. Напримѣръ, крестьяне Якунскаго староства, Ошмянскаго повѣта, ежегодно платили двору по 3 злотыхъ и за это получали право продавать свои товары гдѣ угодно. („Акты Вил. Арх. Ком.“, т. XXXV, № 92).

[2]) Здѣсь оцѣнка рабочаго дня принята въ 10 грошей, но въ 90-хъ годахъ XVIII столѣтія она возвысилась до 15 грошей за мужской рабочій день и до 10 грошей за женскій (Вил. Центр. Арх., кн. № 4228).

угощеніе во время каждой толоки помѣщики весьма скоро нашли лишнимъ, поэтому явилось дѣленіе толокъ на мокрыня, т. е. съ угощеніемъ водкою, и сухія—безъ угощенія. Шарварки прикрывались предлогомъ общественной нужды и служили для починки дорогъ, мостовъ или вмѣсто нихъ экономическихъ построекъ. Зажинки, обжинки, закоски и др. составляли какъ бы общую надбавку къ обыкновеннымъ полевымъ работамъ, приставленную въ началѣ и концѣ каждаго отдѣла этихъ работъ. Кромѣ перечисленныхъ рабочихъ дней, помѣщики возлагали еще на крестьянъ различныя хозяйственныя работы, обусловливаемыя исполненіемъ извѣстной задачи, напримѣръ, приготовить огородъ, посадить капусту, полоть огородъ, пшеницу и просо, давать по очереди къ господскому двору сторожу и т. п. Къ концу XVIII вѣка это количество повинностей показалось помѣщикамъ недостаточнымъ, и они увеличивали число дополнительныхъ рабочихъ дней подъ самыми странными предлогами; такъ, въ инвентарѣ 1792 года мы находимъ, что крестьяне помимо толокъ, шарварокъ и другихъ работъ, отбывали помѣщику еще по 4 дня въ годъ за право пользованія лѣсными продуктами: 1 день за берестъ (березовую кору), 1 день за рыжики, 1 день за опенки и 1 день за ландыши. Денежные платежи взимались подъ названіями чинша (отъ 1 до 8 злотыхъ) и подорощизны (также до 8 злотыхъ); послѣдняя дань могла быть взимаема натурою, т. е. крестьянинъ долженъ былъ взамѣнъ ея доставлять, по указанію своего владѣльца и по его оцѣнкѣ стоимости извоза, хлѣбъ и другіе продукты въ мѣста ихъ сбыта. Дань натурою распространялась на всѣ предметы крестьянскаго хозяйства, но наиболѣе постоянные и важнѣйшіе ея виды составляли: осепъ, или дань зерновымъ хлѣбомъ, которая приносилась крестьянами въ видѣ извѣстнаго количества ржи (отъ 1 до 4 осьминъ) и овса (отъ 1 до 2 осьминъ); десятина отъ куръ и яицъ и десятина отъ льна и пеньки, извѣстная подъ названіемъ мотковъ. Къ этой дани, смотря по ходу крестьянскаго хозяйства и по свойству мѣстности, прибавлялись и другіе предметы: то взималась десятина съ гусей, то извѣстное количество хмеля и грибовъ, то пчельная десятина, т. е. десятый улей,

оцѣниваемый обыкновенно въ 8 злотыхъ; но если количество пчелъ, принадлежавшихъ крестьянину, было менѣе 10 колодъ, то вмѣсто пчельной десятины крестьяне платили очковое, т. е. по 15 грошей отъ каждой колоды.

Всѣхъ повинностей въ общемъ итогѣ было: рабочихъ дней 240, стоимостью въ 80 злотыхъ; чинша и подорощизны 16 злотыхъ, стоимостью въ 48 рабочихъ дней, и дани натурою на 11 злотыхъ, стоимостью въ 33 рабочихъ дня. Слѣдовательно всѣхъ работъ и поборовъ съ крестьянскаго хозяйства, если ихъ перевести на рабочіе дни, было на Волыни въ концѣ XVIII вѣка 321 рабочій день, стоимостью въ 107 злотыхъ, или 16 руб. 5 коп. [1])

Изъ этихъ данныхъ видно, что на Волыни повинности крестьянъ были легче, чѣмъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ Россіи. Это объясняется тѣмъ, что изъ Волыни возможны были побѣги крестьянъ въ сосѣднюю Украйну, гдѣ населеніе было очень рѣдко; что же касается самой Украйны, т. е. южной части губерній Кіевской и Подольской, то здѣсь повинности крестьянъ были еще легче, такъ какъ помѣщики желали побольше привлечь поселенцевъ на свои свободныя земли [2]).

V.

Аренда и застава имѣній.—Права арендаторовъ и заставныхъ владѣльцевъ.—Угнетеніе ими крестьянъ.—Продажа крестьянъ безъ земли.

Въ Западной Руси, во время польскаго управленія, былъ сильно распространенъ обычай отдавать имѣнія въ **аренду**. Арендаторами обыкновенно являлись шляхтичи, но нерѣдко среди нихъ встрѣчались и евреи. Напримѣръ, еврею Абрамку Шмойловичу и его женѣ Риклѣ Юдиннѣ отдано было въ аренду въ 1595 году обширное имѣніе Кошары, Кіевской губерніи, принадлежавшее князю Сангушкѣ [3]); еврею Бенціану Хацкелевичу и его женѣ Илцѣ Мовшовичовнѣ отдано было въ трехлѣтнюю аренду въ 1793 году имѣніе

---

[1]) „Архивъ Юго-Запад. Россіи“, ч. VI, т. II, предисловіе. В. Б. Антоновича стр. 41—45.

[2]) Ibid., стр. 51.

[3]) „Памятники Кіевск. Арх. Коммиссіи“, т. 1, стр. 83.

Судовицизна, Могилевской губерніи [1]), и т. д. Кромѣ аренды, существовала еще **застава**. Она представляла собою особый видъ залога недвижимости, при которомъ имущество находилось во владѣніи не заемщика, а арендатора, пользующагося доходами имѣнія въ уплату процентовъ на занятую сумму. Имѣніе отдавалось въ заставу обыкновенно на опредѣленный срокъ, но если заемщикъ не возвращалъ занятой суммы въ назначенное время, то застава продолжалась на второй срокъ, а потомъ на третій и т. д., впредь до выкупа имѣнія. Заставный владѣлецъ (zastawnik) могъ передавать свои права на имущество, находящееся у него въ заставѣ, другому лицу; эта передача называлась в л е в к о м ъ (wlewek, wlewkowe prawo, wlewkowy list, zapis). Арендныхъ и заставныхъ сдѣлокъ въ актовыхъ книгахъ Виленскаго Центральнаго Архива встрѣчается очень много [2]).

Арендаторы и заставные владѣльцы пользовались всѣми правами вотчинныхъ владѣльцевъ и страшно притѣсняли своихъ временныхъ поданныхъ. Имъ нечего было заботиться о благосостояніи крестьянъ, что иногда имѣлось въ виду вотчинными владѣльцами, и если имѣніе приходило въ полное разореніе, это ихъ нисколько не могло обезпокоить. Во множествѣ актовъ упоминается, что эти временные владѣльцы произвольно увеличивали число барщинныхъ дней, заставлялли крестьянъ работать по праздникамъ, не исключая даже перваго дня Пасхи, высылали крестьянъ на работы въ оковахъ и принуждали оставшихся крестьянъ отбывать повинности за бѣжавшихъ [3]). Такимъ притѣсненіямъ подвергали крестьянъ не только какія нибудь незначительныя лица или евреи, стремившіеся къ быстрой наживѣ, но и знатные паны. Такъ, мозырскій маршалокъ Котовскій и его

---

[1]) Виленск. Центр. Архивъ, кн. № 1550, л. 78.

[2]) Напримѣръ, въ актовой книгѣ Россіенскаго земскаго суда за 1598 годъ подъ № 14611 находится 57 заставныхъ листовъ.

[3]) „Архивъ Юго-Западной Россіи", ч. VI, т. 1, стр. 474, 309, 41. Особенно мало дорожили крестьянами временные владѣльцы въ мало-земельныхъ имѣніяхъ. Такъ, въ им. Соболевкѣ, Мстиславскаго повѣта, гдѣ крестьянскіе надѣлы состояли изъ 1/4 и 1/8 уволоки, заставный владѣлецъ Бржезицкій совсѣмъ выгналъ (wypędził) трехъ крѣпостныхъ крестьянъ, о чемъ заявляетъ въ инвентарѣ самъ владѣлецъ. („Акты Вил. Арх. Ком.", т. XXXV, № 19).

жена, продержавъ въ теченіи пяти лѣтъ въ заставѣ деревню Вольку Пневенскую, совершенно разорили и разогнали своихъ временныхъ подданныхъ, „посылая ихъ съ подводами за нѣсколько десятковъ миль въ Ломозъ и другія мѣста, подвергая побоямъ, обременяя тяжкими необычными работами и повинностями, придумывая необыкновенныя подати и стаціи и взыскивая ихъ силою и грабежомъ“ [1]).

При отдачѣ имѣнія въ аренду, владѣльцы передавали арендаторамъ, въ качествѣ доходной статьи, и право суда надъ крестьянами, при чемъ иногда добавляли и дозволеніе казнить смертью виновныхъ. Напримѣръ, въ арендномъ листѣ князя Сангушка Кошарскаго вышеупомянутому еврею Абрамку Шмойловичу на мѣстечко Кошары, съ принадлежащими къ нему селеніями, отъ 24 мая 1595 года, сказано: „По этому арендному листу съ нашими печатями и собственноручными подписями нашими, имѣетъ онъ (Абрамко Шмойловичъ) право владѣть вышеупомянутыми имѣніями, пользоваться ими, брать себѣ доходы и пользоваться ими, судить и рядить бояръ путныхъ, которые ѣздили съ листами, также всѣхъ крестьянъ нашихъ виновныхъ и непослушныхъ наказывать денежными пенями и смертью (горломъ карати) по мѣрѣ проступковъ“ [2]). Такія же права предоставлялись и лицамъ, взявшимъ имѣніе въ заставу. Такъ, въ заставномъ листѣ отъ 1649 года помѣщика Николая Есьмана, отдавшаго въ заставу на одинъ годъ трехъ крестьянъ, сказано, что заставный владѣлецъ имѣетъ право этихъ крестьянъ судить и казнить смерьтю (na gardle karać) [3]). Въ 1705 году супруги Войны-Ясенецкіе отдали въ заставу Константиновой Войниной-Ясенецкой мѣстечко Цихиничы съ деревнями также съ правомъ судить и казнить крестьянъ [4]).

---

[1]) Вилен. Центр. Архивъ, кн. № 13019, л. 777.

[2]) „Памятники Кіевск. Археогр. Ком.“, т. I, стр. 83.

[3]) Вилен. Центр. Архивъ, кн. № 11785 л. 453.

[4]) Ibid., кн. № 1692, л. 251.—Здѣсь кстати замѣтимъ, что въ Статутахъ прямо нигдѣ не выражено право владѣльцевъ казнить крестьянъ смертью; его можно выводить только косвенно изъ опредѣленія смертной казни за извѣстныя преступленія и изъ предоставленія суда по тѣмъ же преступленіямъ помѣщикамъ.

Отдавая крестьянъ въ аренду и заставу, владѣльцы, конечно, и продавали ихъ, при томъ не только вмѣстѣ съ землею, но даже и безъ земли. Послѣднее подтверждается цѣлымъ рядомъ документовъ. Такъ, въ 1605 году земяне господарскіе повѣту Вилкомирскаго Петръ Монкевичъ и жена его Дорота Миколаевна... „маючи въ спокойномъ держанью и уживанью подданнаго своего, до именича Ужуройтскаго, в повете Вилкомирскомъ лежачого, приналежачого, на име Петра Павловича, з жоною и з детми его, отлучивши того звышъ помененого именича, продали и на вечность в моцъ и векуистое ужыванiе спустили есмо того подданого нашего... з жоною, з детми и со всякою маетностью его, с повинностью того подданного, яко намъ самымъ до имене нашего служылъ, его милости пану Каспору Малхеровичу Довмонтъ-Сесицкому за двадцать копъ грошей личбы и монеты литовское“ [1]. Въ 1606 году „Балтромей Станиславовичъ, земенинъ господарски повету Вилкомирского... будучы потребенъ сумы пенезей, продалъ... на вечность подданого своего властного отчыча именья своего Пенянского, лежачого у повете Вилкомирскомъ, на име Петра Яновича Бобрунъца за певную суму пенезей, за трыдцать копъ грошей монеты великаго князства Литовскаго, самого одного головою только з маетностью его, кромъ кгрунту (земли)... пану Левоновичу Униковъскому, судьи кгродскому Вилкомирскому, и малжонце его, детемъ, потомъкомъ его вечными часы“ [2]. Въ 1661 году пинскій подсудокъ Войтехъ Земенскій освободилъ на волю боярина Петра Рафановича, котораго записала ему на вѣчныя времена жена его Катерина, бывшая раньше замужемъ за ковенскимъ писаремъ [3]. Въ 1787 г. шляхтичъ Доменикъ Босяцкій продалъ шляхтичу Франциску Затовскому своего крѣпостного крестьянина Якова и жену его Марину Юзупуковъ съ сыновьями Димитріемъ и Василіемъ и дочерьми Анастасіей и Мариной, издавна живущихъ въ деревнѣ Босячъ, Брестскаго повѣта, съ ихъ движимымъ имуществомъ: двумя упряжными волами, одною лошадью,

---

[1] Ibid., кн. № 13886, л. 54—55, документъ № 28.

[2] Ibid., кн. № 13886, л. 151—152, документъ № 76.

[3] Ibid., кн. № 13211, л. 383.

одною коровою, четырьмя овцами, старыми и молодыми, одной свиньей и съ домашней утварью, кромѣ построекъ, земли и посѣвовъ въ разныхъ мѣстахъ, за 500 польскихъ злотыхъ, „такъ какъ“, сказано въ купчей крѣпости, „законъ разрѣшаетъ владѣльцамъ по ихъ желанію управлять и распоряжаться своимъ имуществомъ и своими крестьянами“ (jako prawo statutowe pozwoliło swoiemi dobrami, poddanstwem należnemi, jako chciec, rządzic, dysponowac) [1]. Всѣ эти документы, явленные въ книгахъ судебныхъ учрежденій, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, ясно указываютъ, что продажа крѣпостныхъ людей безъ земли въ западно-русскихъ областяхъ въ періодъ польскаго владычества не представляла какихъ-нибудь злоупотребленій, а производилась на законномъ основаніи [2].

VI.

Стація. — Грабежи и разныя насилія жолнеровъ. — Разореніе крестьянъ — Мѣры правительства противъ жолнеровъ.—Насилія надъ крестьянами шляхты.

Крестьяне, жившіе въ имѣніяхъ королевскихъ и духовныхъ, обязаны были давать **стацію**. Сначала стаціей назывались, какъ уже сказано выше, временные сборы по случаю проѣзда великаго князя и пословъ, но впослѣдствіи этимъ именемъ стала называться поставка продовольствія для войскъ. Право на сборъ стаціи обыкновенно опредѣлялось великимъ гетманомъ Литовскимъ, который въ

---

[1] Ibid., кн. № 7399, л. 653.

[2] *Ѳ. Леонтовичъ* говоритъ, что на первыхъ порахъ продажа, мѣна и другіе способы отчужденія отчизныхъ людей допускалась не иначе, какъ съ землею, но уже Статутъ 1588 года дозволилъ продажу бѣглыхъ людей безъ земли, „откуда вообще развилось право продажи крестьянъ не только съ землею, но и безъ земли“. („Крестьяне Юго-Западн. Россіи по литовскому праву XV—XVI столѣтій, стр. 15). Другой изслѣдователь крестьянскаго вопроса въ Западной Россіи, г. *Новицкій*, также признаетъ продажу крестьянъ безъ земли, но только высказываетъ мнѣніе, что такая продажа „могла установиться никакъ не ранѣе конца XVI столѣтія, когда крестьяне, слитые почти въ одинъ безправный разрядъ, окончательно были подчинены частному праву владѣльцевъ“. „(Архивъ Юго-Западной Россіи“, ч. VI, т. I. предисловіе, стр. 69—70). Впрочемъ, продажу крестьянъ въ Польшѣ безъ земли признаетъ и польскій историкъ князь Любомирскій („Rolnicza ludnosć w Polsce“, T. X-cia L, стр. 9—10).

каждомъ отдѣльномъ случаѣ выдавалъ тому или другому военачальнику особый документъ, извѣстный подъ названіемъ ассигнаціи. Какихъ размѣровъ достигали эти поборы, видно, между прочимъ, изъ Уставы стацій отъ 1657 г. Согласно этой Уставѣ, крестьяне должны были давать войскамъ: съ 4-хъ уволокъ—1 бочку ржи, 1 бочку ячменя, 1 бочку гречихи; съ 6-ти уволокъ—1 бочку гороху, половину свиной туши; съ 10-ти уволокъ—1 яловицу, 1 кадку масла, 1 копу сыровъ; съ 3-хъ уволокъ—1 бочку овса, 1 барана; съ 2-хъ уволокъ—1 возъ сѣна, 1 гуся, 2 курицъ[1]). Стація собиралась или хлѣбомъ, или деньгами, поэтому и ассигнаціи выдавались гетманомъ „на хлѣбъ", иногда „на полхлѣба", и „на хлѣбныя деньги". Буйные жолнеры, или солдаты, непризнававшіе никакой дисциплины, нерѣдко превращади сборъ стаціи въ открытый грабежъ и производили надъ мирными жителями самыя возмутительныя насилія. Хотя всѣ эти насилія относятся къ разряду явленій болѣе или менѣе случайныхъ, но они такъ часто повторялись, такъ много страдало отъ нихъ все населеніе, особенно сельское, что нельзя на нихъ не остановиться при описаніи положенія крестьянъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ жолнерскихъ насилій изъ документовъ XVII—XVIII вѣковъ.

Въ 1654 году оберштерлейтенантъ Ернестъ Нольдъ съ тремя офицерами и нѣсколькими десятками драгунъ пріѣхалъ въ одну небольшую деревню Пинскаго повѣта, принадлежавшую Купятицкому монастырю, и потребовалъ 320 злотыхъ денежной стаціи. Монахи, не имѣя наличныхъ денегъ, заложили часть церковнаго имущества и заплатили требуемую сумму за своихъ убогихъ крестьянъ. Послѣ этого драгуны, пишетъ въ своей жалобѣ игуменъ монастыря Малышевскій, монастырскихъ подданныхъ били, мучили и, какъ хотѣли, надъ ними извѣвались, приказывая этимъ подданнымъ, вопреки обычаю, давать то, чего они не имѣли въ домахъ, собирали съ нихъ деньги на пиво, на водку, на мясо и на коренья, а всего причинили убытку на 90 злотыхъ; кромѣ того, тѣ

---

[1]) Универсалъ Павла Сапѣги, великаго Гетмана Литовскаго, отъ 1657 года. Виленскій Центральный Архивъ, кн. № 13009, л. 884 (оборотъ).

же господа солдаты силою брали у крестьянъ фанты, т. е. болѣе дорогія вещи, а именно: мужскія рубахи, скатерти, полотенца, рантухи (покрывала), фартухи, сермяги, убранства (ubiory), плахты женскія, топоры, буравы, пѣшни, долота, желѣзо отъ жерноновъ, сошники желѣзные, а всего на 20 злотыхъ. Возный, или судебный приставъ, явившись въ вышеназванную деревню съ тремя шляхтичами и допросивши десять крестьянъ, подтвердилъ справедливость всего вышеизложеннаго въ жалобѣ игумена Малышевскаго; кромѣ того, онъ осмотрѣлъ избитыхъ драгунами крестьянъ и записалъ слѣдующее въ своей реляціи: „У Трушка знаки синіе, вспухшіе, налившіеся кровью отъ побоевъ палкою по спинѣ и по плечамъ, а у жены того же Трушка знаки также синіе, вспухшіе, на обѣихъ рукахъ отъ побоевъ палкою; у Грыца Макаровича плечи всѣ синія, вспухшія, налившіяся кровью, и спина синяя отъ побоевъ палкою; у Попѣки видѣлъ также знаки синіе, вспухшіе, налившіеся кровью, отъ побоевъ палкою по спинѣ, по плечамъ, по рукѣ, по ногамъ; у войта изъ Ярмачковъ видѣлъ знаки синіе, вспухшіе, налившіеся кровью, отъ побоевъ палкою по всему тѣлу, а на снохѣ его также видѣлъ знаки синіе отъ побоевъ палкою по рукамъ“. Далѣе возный заявляетъ, что онъ видѣлъ одного стараго подданнаго синяго, вспухшаго, очень больного и замученнаго солдатами, которые издѣвались надъ нимъ [1]). Тотъ же самый оберштерлейтенантъ Нольдъ не мало опустошилъ и другихъ имѣній. Между прочимъ, онъ простоялъ три недѣли въ деревнѣ Купятичахъ, Пинскаго повѣта, гдѣ солдаты его, не довольствуясь тѣмъ, что имѣли крестьяне въ домахъ своихъ, приказывали имъ, по словамъ вознаго, привозить для нихъ изъ города Пинска жирное мясо, куръ, гусей, пиво, водку, разныя коренья для кушаньевъ, хлѣбъ бѣлый, сами убивали и приготавливали кабановъ, овецъ, воловъ и чего не могли съѣсть, прятали въ возы, самихъ же крестьянъ били, мучили, выгоняли ночью изъ избъ крестьянскія семейства, ломали двери и окна [2]). Въ томъ же 1654 году пришелъ въ деревню Сучъ, входившую въ составъ

[1]) Виленскій Центральный Архивъ, кн. № 13008, л. 320.
[2]) Ibid., кн. № 13008, л. 317.

имѣнія Заполя, Пинскаго повѣта, ротмистръ Рончковскій съ хоругвью короннаго войска и, не взирая на законъ, воспрещавшій польскому войску переходить черезъ границу великаго княжества Литовскаго [1]), бралъ силою у крестьянъ хлѣбъ, напитки, домашнихъ животныхъ и самыя разнообразныя вещи, чего еще не уничтожили разбойники (latrowie poganstwo) и чего не успѣли взять другіе господа жолнеры [2]). Въ томъ же году пріѣхали въ имѣніе Новый Дворъ, Пинскаго повѣта, паны Самуилъ и Даніилъ Загурскіе и панъ Красовскій съ десяткомъ всадниковъ, называя себя депутатами хоругви Овруцкаго старосты Немерича, и потребовали у войта Ершевскаго 300 злотыхъ стаціи, не показывая, впрочемъ, гетманскаго универсала на право этого сбора. Войтъ заявилъ, что онъ извѣститъ объ этомъ своего пана, котораго не было дома, а ихъ просилъ быть терпѣливыми, но тѣ отвѣтили, чтобы имъ немедленно дали требуемую сумму и тотчасъ же войта избили и изранили обухами и палками, а другихъ хлоповъ повязали и четыре дня били палками. Въ виду такого смертоубійства (morderstwa) крестьяне вынуждены были дать съ четырехъ волокъ 240 злотыхъ. Получивъ эту сумму, жолнеры поотбивали еще замки (kłodki) въ амбарахъ и побрали всѣ вещи, которыя имъ понравились; кромѣ того, въ корчмѣ выпили водки, пива и меду на 30 злотыхъ [3]). Въ 1658 году капитанъ Коссаковскій съ драгунскою хоругвью напалъ на село Своричевичи, Пинскаго повѣта, и, не обращая вниманія на невинность убогихъ крестьянъ и на частые сборы съ нихъ стаціи разными другими хоругвями, самовольно и незаконно забралъ у нихъ хлѣбъ, лошадей, рогатый скотъ и другое имущество и отправилъ все это въ мѣсто своей стоянки Дуброву, а затѣмъ въ ночь съ 18 на 19 апрѣля сжегъ все село съ остальнымъ недограбленнымъ еще имуществомъ чѣмъ совершенно

---

[1]) Вотъ какъ объ этомъ выразился въ своей жалобѣ Якубъ Панкевичъ, одинъ изъ служащихъ въ Запольскомъ дворѣ: „Nie oglądaiąc się na konstitutie artykułami postanowione, jako też swieżymi konstitutiami warowano, żeby żolnierze granice korony Polskiey do wielkeigo xięstwa Litewskiego nie przychodziły“.

[2]) Виленскій Центральный Архивъ, кн. № 13008, л. 395.

[3]) Ibid., кн. № 13008, л. 442.

его уничтожилъ [1]). Въ 1667 году пришелъ въ деревню Новый Дворъ съ хоругвью панъ Рокотанскій и не только совершенно ограбилъ крестьянъ, но и сжегъ ихъ постройки. „А гдѣ хлоповъ изъ домовъ повыгоняли“, жаловался управляющій этого имѣнія Казимиръ Будзицкій, „тамъ печи поразбивали, двери и косяки повынимали, доски съ потолка поразбрасывали и сожгли; шесть амбаровъ хлопскихъ совсѣмъ разобрали и три сарая только на половину и также сожгли и всю деревню опустошили и уничтожили“ [2]). Такимъ грабежамъ и опустошеніямъ подвергались имѣнія не только мелкихъ владѣльцевъ, но и самыхъ знатныхъ. Такъ, въ 1662 г. войты и крестьяне Черейской волости великаго гетмана Литовскаго, Павла Сапѣги, принесли присягу въ томъ, что имъ причинены были „убытки, обиды, мученія людей, убійства, насилія и побои“ полкомъ коронныхъ войскъ Стефана Чарнецкаго, воеводы русскаго, по приказанію послѣдняго [3]). Въ 1669 году Андрей Мурашко, полковникъ его королевской милости, напалъ съ своимъ полкомъ на имѣніе Лельчицы, Мозырскаго повѣта, принадлежавшее Виленскому епископу Александру Сапѣгѣ, и, собравъ съ крестьянъ стацію, далъ обѣщаніе больше не останавливаться въ этомъ имѣніи; несмотря, однако, на это обѣщаніе, онъ черезъ мѣсяцъ опять напалъ на Лельчицы и произвелъ тамъ полный погромъ: избилъ управляющаго и войта, ограбилъ крестьянъ и даже раскопалъ въ лѣсу 150 ямъ, въ которыхъ крестьяне спрятали свое имущество; кромѣ того 8 душъ крестьянъ, скрывавшихся въ лѣсу, погибли отъ холода (3 мужчины, 2 женщины и 3 дѣтей) [4]). Въ 1704 г. поручикъ Хризостомъ Бенкинъ напалъ съ толпою вооруженныхъ людей на деревню Хочинки, Рѣчицкаго повѣта, принадлежащую Михаилу Бялозору, и не только ограбилъ крестьянъ, но еще ихъ билъ, мучилъ, подвергалъ заключенію и причинялъ разныя обиды, а одного подданнаго, Микиту Бондара, такъ жестоко избилъ, что онъ, по словамъ возного, „долженъ былъ умереть“ (aż umrzec

---

[1]) Ibid., кн. № 13010, л. 342.
[2]) Ibid., кн. № 13019, л. 449.
[3]) Ibid., кн. № 11785, л. 414—419.
[4]) Ibid., кн. № 12344, л. 192.

musiał) [1]. Въ 1705 г. поручикъ Франкъ и капралы Салишевскій и Піотровскій съ 50 вооруженными людьми остановились на ночлегъ въ деревнѣ Гурчахъ, Рѣчицкаго повѣта, и потребовали отъ крестьянъ разныхъ кушаньевъ и денегъ, послѣ чего всѣхъ ихъ съ женами и дѣтьми въ морозъ повыгоняли изъ домовъ, такъ что нѣкоторые чуть не умерли, а одного пожилого крестьянина такъ избили, что онъ на третій день душу Богу отдалъ [2]).

Бывали случаи, что жолнеры не только вымучивали у крестьянъ послѣднее ихъ достояніе, но позволяли себѣ еще и издѣваться надъ ними. Въ 1667 году пришли въ деревню Всемирово, приписанную къ Лещинскому монастырю, двѣ татарскія хоругви подъ начальствомъ Улана Корицкаго и Мурзы. Согласно установившемуся уже обычаю, жолнеры крестьянъ били, заставляли давать имъ деньги, хлѣбъ, отбивали замки у амбаровъ и брали все, что имъ только нравилось, пасли лошадей на засѣянныхъ поляхъ и сѣнокосахъ, а потомъ, „когда бѣдные подданные стали готовить себѣ въ праздничный день кушанья, поналивали въ горшки дегтю, по причинѣ котораго“, пишетъ въ своей жалобѣ намѣстникъ Лещинскаго монастыря, „тѣ подданные не могли ѣсть“ [3]). А вотъ шутка и болѣе жестокаго характера. Въ томъ же году Грыць Остановичъ, подданный пана Бржовскаго, возвращался съ своими сосѣдями изъ мѣстечка Янова, куда онъ ѣздилъ продавать скотъ, чтобы собрать немного денегъ для уплаты подымнаго. На дорогѣ къ крестьянамъ подъѣхали жолнеры татарской хоругви, и одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ въ крестьянъ изъ пистолета, но промахнулся; тогда жолнеръ (перепуганные крестьяне не замѣтили, тотъ самый, который уже стрѣлялъ, или другой) прицѣлившись и сказавъ, „продай хлопе жену“, вторично выстрѣлилъ. Послѣ этого жолнеры уѣхали, а вышеназванный Грыць оказался убитымъ [4]).

Буйные жолнеры, не останавливавшіеся ни передъ какими насиліями надъ крестьянами, не могли, конечно, оставить въ покоѣ

[1]) Ibid., кн. № 1692, л. 317.
[2]) Ibid., кн. № 1692, л. 339.
[3]) Ibid., кн. № 13019, л. 844.
[4]) Ibid., кн. № 13009, л. 105.

ихъ женъ и дочерей. Въ 1658 году помѣщикъ Одаховскій жаловался на товарищей хоругви, бывшей подъ командой Фабіана Паруля, а именно: на пановъ Миленскаго, Бѣльскаго, Лупцинскаго и Пожарыскаго, что они ночью съ 19 на 20 іюня наслали свою челядь въ нѣсколько десятковъ человѣкъ на деревню Заплесы, входившую въ составъ имѣнія Довѣчоровичъ, Пинскаго повѣта. Эти челядники сначала разогнали выстрѣлами крестьянъ и разграбили ихъ имущество, а потомъ, не довольствуясь большимъ количествомъ награбленныхъ вещей, стали гоняться ночью за крестьянскими женами и ворвались за одною изъ нихъ въ избу, но встрѣтили тамъ мужа послѣдней, Павла Ясковича, и, несмотря на то, что онъ сталъ уходить отъ нихъ, безъ всякой причины убили его изъ бандолета. Послѣ этого челядники не мало искалѣчили другихъ хлоповъ и ихъ женъ обухами и едва на другой день уѣхали, угрожая сжечь деревню и всѣхъ перебить [1]. Въ 1664 г. пришли въ имѣніе Кузьмичи, Овручскаго уѣзда, хоругви Станислава Малявскаго и капитана Погоржельскаго, посланныя туда изъ Мозыря Самуиломъ Оскеркой, мозырскимъ земскимъ судьей. Возный, произведя подробный осмотръ разгрома, произведеннаго въ Кузьмичахъ мозырскими жолнерами, представилъ въ Пинскій гродскій судъ списокъ 26 крестьянъ, съ оцѣнкой всѣхъ взятыхъ у нихъ вещей. Между прочимъ относительно нѣкоторыхъ крестьянъ въ спискѣ вознаго сдѣланы такія добавленія: у Васька Саченка жолнеры силою взяли невѣстку и держали у себя три дня; у Опанаса Оладки оскробили жену; у Назара Мельника оскробили жену; у Алексѣя Саченка оскробили жену; у Ивана Шинкаренка утопили дочь. Это донесеніе вознаго было подтверждено подъ присягою самими крестьянами, которые при этомъ пояснили, что дочь Шинкаренка утонула въ рѣкѣ, спасаясь отъ преслѣдованія жолнеровъ [2].

Подобныхъ примѣровъ жолнерскихъ грабежей и всевозможныхъ насилій можно найти въ актовыхъ книгахъ Виленскаго Центральнаго Архива очень много. Сами обыватели нерѣдко заявляли, что

---

[1]) Ibid., кн. № 13009, л. 105.

[2]) Ibid., кн. № 13017, л. 171.

они больше страдали отъ своихъ собственныхъ жолнеровъ, чѣмъ отъ „непріятеля казака“ [1]), и сравнивали жолнерскія насилія съ чисто стихійными бѣдствіями, какъ пожаръ, разныя болѣзни, моровое повѣтріе и т. п. [2]). При такихъ порядкахъ многіе крестьяне не въ состояніи были вести своихъ хозяйствъ и часто бросали ихъ. Такъ, въ 1665 году провентовый писарь Токарскій жаловался, что во многихъ деревняхъ Пинской державы княжны Радзивиллъ отъ постоя полка гетмана Павла Сапѣги и отъ прохода въ теченіе цѣлаго года другихъ хоругвей и значковъ, крестьяне до такой степени обѣднѣли (zubożeni, zniszczeni, ogłoceni zostali), что вынуждены были оставить свои дома и разойтись [3]). Тоже самое происходило и во многихъ другихъ имѣніяхъ: въ 1655 году въ Пинскомъ староствѣ было 58 пустыхъ дымовъ; [4]) въ 1657 году въ мѣстечкѣ Немекштахъ, Россіенскаго повѣта, всѣ дома мѣщанъ оказались пустыми [5]); въ 1666 году въ имѣніи Ополѣ, Пинскаго повѣта, было 133 пустыхъ дыма [6]) и т. д.

Такое систематическое разореніе страны тѣми самыми жолнерами, которые обязаны были защищать ее отъ внѣшнихъ враговъ, не могло не обезпокоить польское правительство. Безпокойство это еще увеличивалось отъ опасенія, что угнетенный народъ можетъ, наконецъ, потерять терпѣніе, и произвести возстаніе [7]). Въ виду такихъ обстоятельствъ король и великій гетманъ не переставали принимать самыя рѣшительныя мѣры противъ своевольныхъ жолне-

---

[1]) Вотъ какъ объ этомъ выразился въ своей жалобѣ на шесть хоругвей державца имѣнія Кольна, Мозырскаго повѣта: „Nie tak dalece przez nieprzyjasciela kazaka, jako barziey przez swoje woysko i chorągwie“. (Вилен. Центр. Архивъ, кн. № 13018, л. 361).

[2]) Вилен. Центр. Архивъ, кн. № 11786, л. 73. Инвентарь имѣнія Кричинъ, Минскаго воеводства. См. также кн. № 11785, л. 451.

[3]) Ibid., кн. № 13017, л. 636.

[4]) Ibid., кн. № 13008, л. 1713.

[5]) Ibid., кн. № 14469, л. 282, об

[6]) Ibid., кн. № 13018, л. 520.

[7]) 24 декабря 1656 года подскарбій и польный гетманъ вел. кн. Литовскаго Винцентъ Корвинъ Госѣвскій обратился къ обывателямъ Жмудскаго княжества съ универсаломъ, въ которомъ, между прочимъ, высказалъ слѣдующее: „Należy obmyslic, strzegąc, aby uciążone pospolstwo stey okazij do jakiego nie życiło się buntu i szkodliwey nie uczyniło rewolucij“. (Вилен. Центр. Арх. кн. № 14468, л. 854).

ровъ. Такъ, король Янъ Казимиръ 5 августа 1654 года обратился къ жителямъ Пинскаго повѣта съ слѣдующимъ универсаломъ: „Къ намъ доходятъ частыя жалобы изъ разныхъ мѣстъ, а въ особенности отъ жителей Пинскаго повѣта, что въ нашихъ владѣніяхъ нынѣ находится не мало такихъ лицъ, которыя, назвавшись нашими ротмистрами и капитанами, расхаживаютъ по деревнямъ нашимъ, духовнымъ и шляхетскимъ, безъ нашихъ предписаній и гетманскихъ универсаловъ, и невыносимыми поборами и вымогательствами опустошаютъ и разоряютъ бѣдныхъ крестьянъ. Поэтому, желая предохранить бѣдныхъ людей отъ дальнѣйшаго разоренія, объявляемъ нынѣшнимъ универсаломъ нашимъ, чтобы тѣхъ, которые подъ названіемъ добровольцевъ или какимъ либо инымъ будутъ ходить по деревнямъ и производить безъ нашихъ и гетманскихъ универсаловъ вымогательства, сами жители общими силами разбивали и уничтожали, какъ своевольную толпу и враговъ отечества [1]). Съ такими универсалами король неоднократно обращался къ своимъ подданнымъ [2]). Еще чаще, чѣмъ король, разсылалъ подобные универсалы гетманъ великаго княжества Литовскаго, въ которыхъ онъ то приказывалъ жолнерамъ немедленно прекращать грабежи и спѣшить въ мѣста расположенія войскъ, угрожая ослушникамъ смертною казнью [3]), то совѣтовалъ, подобно королю, самимъ жителямъ уничтожать своевольныя толпы грабителей и разныхъ ротмистровъ и капитановъ [4]). Наконецъ, для обезпеченія безопасности жителей, король и гетманъ выдавали многимъ лицамъ охранные листы, которыми жолнерамъ запрещалось въ имѣніяхъ этихъ лицъ „останавливаться, ночевать, требовать продовольствія, брать подводы и стаціи и не отягощать крестьянъ нималѣйшими поборами“ [5]).

---

[1]) Ibid., кн. № 13008, л. 1271.

[2]) Ibid., кн. № 13008, л. 1786.

[3]) Ibid., кн. № 13009, л. 649; кн. № 13018, л. 285, 317, 680, 944; кн. № 13019, л. 462, 640, 751, 825 и др.

[4]) Ibid., кн. № 13010, л. 325, 493, 494, 643; кн. № 13018, л. 410, 411, 412; кн. № 13016, л. 1034; кн. № 13019, л. 732 и др.

[5]) Охранныхъ листовъ въ актовыхъ книгахъ Виленскаго Центральнаго Архива очень много. Такъ, въ книгѣ Россіенскаго гродскаго суда за 1654—1656 годы подъ № 14468 помѣщено такихъ листовъ семнадцать.

Но королевскіе и гетманскіе универсалы и охранные листы не могли прекратить жолнерскихъ насилій: съ одной стороны, своевольные жолнеры, не признавая надъ собою никакой власти, мало обращали вниманія на правительственныя распоряженія, а съ другой— сами жители въ очень рѣдкихъ случаяхъ могли оказывать сколько нибудь серьезное сопротивленіе вооруженнымъ людямъ [1]).

Независимо отъ жолнеровъ, не мало причиняла крестьянамъ всевозможныхъ обидъ и шляхта. Въ Польскомъ королевствѣ государственная власть совершенно не вмѣшивалась въ отношенія владѣльцевъ къ крестьянамъ, поэтому какъ бы жестоко ни обращался съ своими хлопами помѣщикъ, онъ не подлежалъ никакой отвѣтственности. Дѣло доходило до суда только въ томъ случаѣ, когда шляхта производила насилія надъ чужими крестьянами, такъ какъ за послѣднихъ обыкновенно заступался ихъ собственный владѣлецъ. Но при отсутствіи въ Польшѣ сильной исполнительной власти очень трудно было приводить въ исполненіе судебные приговоры, поэтому

1) О нападеніи крестьянъ на вооруженныхъ жолнеровъ въ актовыхъ книгахъ не упоминается, но шляхта и такія сильныя корпораціи, какъ іезуитскія коллегіи, иногда расправлялись съ ними съ большою жестокостью. Приведемъ одинъ случай. Капитанъ одного драгунскаго полка Іоганъ Веіорскій, проѣзжая мимо Пинска, 28 января 1667 года, заѣхалъ по своимъ дѣламъ въ этотъ городъ и остановился въ домѣ цирулика еврея Мордухая. 30 января онъ послалъ драгунъ Николая Скурата и Григорія Афанасевича и подростка Андрея Марциновскаго разыскать купленныя имъ вещи. Въ это время вооруженные саблями бурсаки Пинской іезуитской коллегіи (не извѣстно, сказано въ жалобѣ Веіорскаго, по приказанію своего ректора, ксендза Станислава Тупика, или по своему умыслу), выскочили съ своими помощниками изъ бурсы и, догнавши упо янутыхъ драгунъ не далеко отъ богадѣльни отцовъ іезуитовъ, безъ всякой причины жестоко и немилосердно ихъ посѣкли, изранили и искалѣчили, особенно подростка Марциновскаго; при этомъ бурсаки ограбили драгунъ: у Николая Скурата взяли наличными деньгами 12 злотыхъ, шапку фалендышовую (изъ тонкаго англійскаго сукна), стоющую 8 злотыхъ, и посѣкли и искалѣчили его коня, стоющаго 70 злотыхъ; у Григорія Афанасовича взяли голубой люндашовый (тонкаго сукна) кунтушъ, стоющій 20 злотыхъ, шапку голубую фалендышовую, стоющую 8 злотыхъ. и у подростка Андрея шапку, стоющую 4 злотыхъ, и поясъ, стоющій 3 злотыхъ. Капитанъ Веіорскій въ тотъ же день отправилъ Грегіера Лупинскаго, фурьера своей хоругви, съ жалобою къ отцамъ іезуитамъ, но іезуиты не только не подвергли взысканію своихъ бурсаковъ, а еще чрезъ ксендза Фортуната дали такой отвѣтъ: „жалѣемъ, что не приказали въ колокола ударить и васъ всѣхъ уничтожить“ (żaluiemy tego, ze nie kazalismy we dzwony uderzyc y was wssystkich znosic). Виленск. Центральный Архивъ, кн. № 13019, л. 289.

шляхта нерѣдко обижала не только своихъ, но и чужихъ крестьянъ. Проѣзжаетъ, напримѣръ, по большой дорогѣ съ своими людьми какой нибудь шляхтичъ и встрѣчаетъ крестьянъ; для послѣднихъ эта встрѣча часто оказывалась весьма плачевной, такъ какъ гордый панъ нисколько не считалъ для себя предосудительнымъ напасть на нихъ, избить, искалѣчить и ограбить, и все это дѣлалось безъ всякой причины, а только ради „особенной наглости и пьянства“ (z szczegulnego zuchwalstwa i opilstwa), какъ обыкновенно выражались въ своихъ жалобахъ потерпѣвшіе [1]). Нерѣдко шляхта подвергала крестьянъ всевозможнымъ истязаніямъ по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Такъ, въ 1775 году Михаилъ Война, помѣщикъ Витебской провинціи, задержалъ на незасѣянномъ полѣ лошадь крестьянина Петрука Шидловскаго, и когда послѣдній явился къ Войнѣ съ просьбой возвратить ему лошадь, жестокій панъ, питая къ Шидловскому какую то злобу, приказалъ отсчитать ему по голому тѣлу по сту ударовъ кнутомъ съ обѣихъ сторонъ (kazał bizunem okrutnie po gołym ciele po sto plag z obu stron wyliczyć). Возный, удостовѣряя этотъ фактъ вмѣстѣ со шляхтой и мужами, заканчиваетъ свою реляцію такими словами: „видѣлъ такіе большіе знаки жестокаго избіенія, какъ будто тѣло ножомъ вырѣзано съ обѣихъ сторонъ; видѣлъ также крестьянскій и помѣщичый яровой посѣвъ - овесъ, горохъ, гречиху и ячмень— потравленнымъ и вытоптаннымъ скотомъ Войны“ [2]). Не уступали въ жестокости шляхтичамъ и шляхтянки. Въ 1724 году княгиня Маріанна Радзивиллъ, крайчина вел. кн. Литовскаго, жаловалась на Петрунелю Оржешко, войскую мельницкую, что послѣдняя постоянно угрожала ея подданнымъ, жившимъ въ селѣ Бельчицахъ, Новогрудскаго повѣта; наконецъ, управляющій пани Оржешко, по ея приказанію, избилъ, окровавилъ и искалѣчилъ въ полѣ дѣвушку княгини Радзивиллъ, такъ что она не могла отбывать барщины; избилъ также одного крестьянина и двухъ евреевъ, изъ которыхъ одинъ скоро умеръ, а другой очень долго лѣчился у цырюльника и

---

[1]) Виленскій Центр. Арх., кн. № 13013, л. 199; кн. № 12525, л. 937.

[2]) Ibid., кн. № 66 (131), л. 366.

не могъ платить арендныхъ денегъ [1]). Еще большую жестокость проявила другая шляхтянка. Въ 1666 году панъ Николай Кунцевичъ жаловался, что пани Маріанна Яниковская, желая добиться по одному дѣлу сознанія у крестьянина изъ имѣнія Порѣчье, Пинскаго повѣта, приказала привязать его обнаженнымъ къ скамьѣ за ноги и руки и бить розгами и мучить на ея глазахъ, а потомъ и „сама своими руками, какъ адская фурія (jako furia piekielna), не насытившаяся кровью человѣческою, мучила его и издѣвалась надъ нимъ“ [2]). Хуже всего приходилось крестьянамъ во время наѣздовъ пановъ другъ на друга. Поссорятся, напримѣръ, два сосѣдніе пана, и вотъ одинъ изъ нихъ собираетъ свою дворню и ближайшую мелкую шляхту и вооружаетъ ихъ какъ обычнымъ оружіемъ, относящимся къ бою (do boiu należytym, armata m nu), такъ и необычнымъ—палками, цѣпами, косами, топорами, кто что могъ имѣть. Съ такимъ импровизированнымъ войскомъ воинственный панъ нападалъ на имѣніе своего врага, и тутъ уже никому не было пощады: били, грабили, увѣчили, иногда убивали не только самого владѣльца и членовъ его семьи, но и его крестьянъ [3]).

VII.

Наказанія, какимъ подвергались крестьяне.—Обычай обращенія лучшихъ крестьянскихъ участковъ въ пользу двора.—Бѣдность крестьянъ.—Отзывы современниковъ о положеніи крестьянъ.—Сравненіе западно-русскихъ крестьянъ съ великорусскими по ихъ экономическому положенію.

Имѣя право жизни и смерти надъ своими крестьянами, помѣщики могли подвергать ихъ какимъ угодно **наказаніямъ**; въ этомъ отношеніи права ихъ были вполнѣ неограниченны. На осно-

---

[1]) Ibid., кн. № 12525, л. 957.

[2]) Ibid., кн. № 13012, л, 749.

[3]) Реляціи, или донесенія, возныхъ о наѣздахъ пановъ другъ на друга назывались обдукціями. Такихъ обдукцій въ актовыхъ книгахъ Виленскаго Центральнаго Архива встрѣчается очень много, особенно въ XVIII вѣкѣ. Напримѣръ, въ книгѣ Ковенскаго земскаго суда подъ № 13809 за 1795—1797 гг. находится 16 обдукцій, въ книгѣ Россіенскаго гродскаго суда подъ № 14572 за 1795 – 1797 гг. – также 16 обдукцій и въ книгѣ Ковенскаго городского магистрата подъ № 13876 за 1793—1796 гг.—11 обдукцій.

ваніи инвентарей можно установить, за какіе проступки и какимъ наказаніямъ подвергались крестьяне. Напримѣръ, въ староствѣ Рекантишскомъ, Трокскаго повѣта, полагалось 15 ударовъ веревками (postronkami, powrozami) за опозданіе на барщину [1]); въ Полангенскомъ староствѣ, Ковенской губерніи, крестьяне обязаны были на своихъ низкихъ поляхъ проводить канавы для стока воды, но если кто-нибудь изъ нихъ этого не исполнялъ, то платилъ 5 талеровъ (около 50 злотыхъ) штрафа и подвергался 50 ударамъ веревками; въ томъ же староствѣ за установку въ лѣсу силковъ (sideł) для ловли птицъ, виновный подвергался штрафу въ 10 талеровъ и 100 ударамъ веревками [2]); въ имѣніи Раклишкахъ, Лидскаго повѣта, за неоднократную неявку на барщину виновный повдергался, какъ уже сказано выше, бичеванію у столба [3]), а при описаніи построекъ имѣнія Шелели, Ковенской губерніи, встрѣчается такая подробность: въ коморѣ (при кухнѣ) четыре большихъ хорошихъ хозяйскихъ жернововъ и желѣзная цѣпь для двухъ лицъ (łancuch żelazny na osoby dwie), вдѣланная въ стѣну; весьма возможно, что посаженные на цѣпь люди должны были еще вертѣть жернова [4]). Наконецъ, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьяне подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ даже за неаккуратное посѣщеніе костела. Такъ, въ вышеназванномъ староствѣ Рекантишскомъ сдѣлано было владѣльцемъ слѣдующее распоряженіе: „По всей волости Рекантишской должно быть чрезъ лавниковъ и осочниковъ строго объявлено, что если кто въ воскресенье или какой нибудь другой торжественный праздникъ не пойдетъ на обѣдню или, чего Боже сохрани, пойдетъ въ лѣсъ съ ружьемъ, или съ топоромъ, или за грибами, ягодами и орѣхами, такой подвергается 45 ударамъ веревками и даетъ на приходской костелъ 3 фунта воску [5]).

---

1) „Акты Вил. Арх. Ком.“, т. XXXV, № 23.

2) Ibid., № 9.

3) „Акты Вил. Арх. Ком.“, т. XIV, стр. 315.

4) „Акты Вил. Арх. Ком.“, т. XXXV, № 85.

5) Налагая такое строгое наказаніе на крестьянъ за сборъ лѣсныхъ продуктовъ въ праздничные дни, владѣлецъ тѣмъ не менѣе требовалъ этихъ продуктовъ съ каждаго двора въ слѣдующемъ количествѣ: по 1 вѣнку грибовъ и по 1 гарнцу орѣховъ и разныхъ ягодъ. Любопытно также распоряженіе владѣльца относительно

Вообще наказанія крестьянъ помѣщиками упоминаются во многихъ инвентаряхъ, но въ большинствѣ случаевъ безъ обозначенія количества ударовъ.

Свой произволъ по отношенію къ крестьянамъ помѣщики проявляли еще обращеніемъ лучшихъ крестьянскихъ участковъ въ пользу двора, взамѣнъ которыхъ давались крестьянамъ другіе худшіе. Подобныя распоряженія помѣщиковъ не зачѣмъ было заносить въ какія бы то ни было актовыя книги, поэтому попадали они въ инвентари совершенно случайно. Приведемъ одинъ такой случай. Въ 1773 году былъ упраздненъ папой орденъ іезуитовъ, и всѣ ихъ имѣнія, расположенныя въ предѣлахъ Польскаго королевства, перешли въ казну. Принимая одно изъ такихъ имѣній, Иванчицы, Пинскаго повѣта, королевскіе люстраторы сдѣлали слѣдующее измѣненіе въ прежнемъ инвентарѣ: „былъ обычай давать отъ каждой уволоки подводу за 30 миль или платить 24 злотыхъ подорощизны; однако, имѣя въ виду убожество крестьянъ вслѣдствіе недавняго отнятія у нихъ для двора самой лучшей пахотной земли и сѣнокоса и предоставленія имъ неудобныхъ песковъ и болотистыхъ долинъ, съ которыхъ они никогда не могутъ собрать достаточнаго пропитанія ни для себя, ни для скота, а также принимая во вниманіе, что они съ этой скудной земли отбываютъ барщину, которая вмѣстѣ съ несправедливо возложенной на нихъ подорощизной довели ихъ до крайней нищеты и оставили ихъ безъ всякихъ средствъ (z których uciskow przyszli do ostatniey nędzy y bez żadnego sposobu zostaią), мы уничтожаемъ означенную подрощизну, а вмѣсто нея устанавливаемъ чиншъ по 12 злотыхъ съ уволоки, вмѣсто вносимыхъ прежде 2 злотыхъ [1]). Въ этомъ имѣніи крестьяне отбывали съ 1-ой уволоки слѣдующія повинности: барщины—8 дней въ недѣлю, гвалтовъ—9 въ годъ, шарварковъ—сколько нужно будетъ, овса давали 1/2 бочки (на

ружей, о которыхъ было упомянуто въ вышеприведенномъ объявленіи: „разрѣшаю своимъ крестьянамъ“, говоритъ владѣлецъ „имѣть ружья, но если кто убьетъ какую нибудь птицу или звѣря, долженъ доставить ихъ, подъ страхомъ штрафа и наказанія, двору, а послѣдній обязанъ вознаградить охотника за порохъ и трудъ“. (Ibid. № 23)

[1]) Вилен. Центр. Архивъ, кн. № 13199, л. 250.

2 зл.), хмелю—1 бочку (на 4 зл.), грибовъ—4 копы (на 40 грошей), неретъ, или жаковъ (сѣтокъ, натянутыхъ на обручи)—4 штуки (на 40 грошей) и корзинокъ для ловли вьюновъ—4 шт. (на 24 гроша). Зная обо всѣхъ этихъ повинностяхъ, а также и о томъ, что иванчицкіе крестьяне доведены уже до крайней нищеты, люстраторы признали справедливымъ уменьшить денежную подать только на 14 злотыхъ, оставляя, кромѣ издѣльной повинности, всѣхъ даней и платежей на 21 злотъ 14 грошей. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что и королевскіе чиновники, подобно помѣщикамъ, смотрѣли на крестьянъ, какъ на существа, которыя должны влачить самое жалкое существованіе.

Произволъ помѣщиковъ и тяжелыя повинности, которыми обременены были крестьяне, послужили причиною не только приниженности и забитости послѣднихъ, но и крайней ихъ бѣдности. Въ обширномъ и благоустроенномъ имѣніи Ортели, приписанномъ къ Бѣльскому графству князя Радзивилла, установлены были (въ 1787 г.) слѣдующія степени кредитоспособности и состоятельности крестьянъ: „Тѣмъ же подданнымъ арендаторы не должны давать въ займы болѣе 10 злотыхъ богатымъ, 6 злотыхъ среднесостоятельнымъ и 2 злотыхъ бѣднымъ; богатымъ же разумѣется тотъ, кто имѣетъ двѣ запряжки и немало нерабочаго скота, среднесостоятельнымъ — тотъ, кто имѣетъ половину того, что имѣетъ богатый, бѣднымъ— тотъ, кто имѣетъ половину или менѣе того, что имѣетъ среднесостоятельный“ [1]). Слѣдовательно, среднесостоятельнымъ, по тогдашнимъ понятіямъ, признавался такой крестьянинъ, который имѣлъ запряжу изъ двухъ воловъ. Но очень часто крестьяне имѣли только по одному волу; такихъ крестьянъ, ради ихъ бѣдности (dla ich ubóstwa), помѣщикъ снабжалъ скарбовымъ, или дворовымъ, воломъ, такъ какъ безъ этой помощи они не могли бы исправно отбывать возлагавшихся на нихъ повинностей. Скарбовые волы упоминаются во многихъ инвентаряхъ. Такъ, въ имѣніи Дрогичинѣ, Пинскаго повѣта, изъ 47 хозяевъ 23 имѣли по одному скарбовому

[1]) Ibid., кн. № 7406, л. 655.

волу [1]), въ имѣніи Свѣтляны, Ошмянскаго повѣта, изъ 15 хозяевъ 5 имѣли по скарбовому волу [2]), въ имѣніи Станиславово, Лидскаго повѣта, изъ 18 хозяевъ 8 имѣли по скарбовому волу [3]) и т. д. Иногда крестьяне вмѣсто одного вола имѣли пол-коня, т. е. два крестьянина сообща владѣли одною лошадью, но бывали и такіе случаи, что крестьяне не имѣли никакихъ домашнихъ животныхъ. Напримѣръ, въ инвентарѣ имѣнія Мойсеевки, Мозырскаго повѣта, (составленномъ въ 1667 году при отдачѣ имѣнія въ заставу Лешкевичемъ земскому судьѣ Оскеркѣ), записано 20 крестьянъ со слѣдующими замѣчаніями: Каленикъ—на дворовой работѣ, Левонъ—имѣетъ вола, Зайко—1/2 коня, Карпъ—1/2 коня, Уласъ—ничего не имѣетъ, Огей—ничего не имѣетъ, Ѳедоръ Дегтяренко—имѣетъ вола, Радюкъ ничего не имѣетъ, Плясъ—имѣетъ вола, Васько—имѣетъ вола и теленка, Яцко—имѣетъ вола, Юрка—ничего не имѣетъ, Мицюра—тоже, Василенко—тоже, два портныхъ—тоже (на дворовой работѣ), войтъ Лесневичъ—имѣетъ двухъ воловъ, вдова Павлиха - ничего не имѣетъ, кузнецъ—имѣетъ лошадь и корову и Куъзма—ничего не имѣетъ. Такимъ образомъ у 20-ти крестьянъ-хозяевъ показано всего 7 воловъ, 2 лошади, 1 корова и 1 теленокъ; а между тѣмъ эти крестьяне должны были отбывать по 4 дня (2 мужскихъ и 2 женскихъ) въ недѣлю барщины, а также платить подати (podatki), чиншъ и давать хлѣбъ (zboze) по соглашенію (umiarkowaniu) съ ними владѣльца [4]).

Такая бѣдность западно-русскихъ крестьянъ поражала какъ иностранныхъ, такъ и польскихъ наблюдателей. Русскій помѣщикъ Д. Б. Мертваго, проѣзжавшій въ 1789 году черезъ Литву, говоритъ, что у него „надсѣдалося сердце отъ жалости и досады.

---

1) „Акты Вилен. Арх. Ком.“, т. XXXV, № 68.

2) Ibid., № 77.

3) Ibid., № 81. См. также №№ 46, 49 и др.

4) Приведемъ здѣсь, кстати, описаніе Мойсеевской церкви: „Въ этой деревнѣ церковь съ образами и окнами (smolanemi) и колокольня на столбахъ (na sochach) безъ колокола, а съ желѣзнымъ клепаломъ (klepadło żelazne)“. Слѣдовательно Мойсеевскіе крестьяне были такъ бѣдны, что не имѣли возможности повѣсить на своей жалкой колокольнѣ хоть малый колоколъ, а сохраняли у себя остатокъ сѣдой старины—клепало. (Вилен. Центр. Арх., кн. № 12344, л. 127).

Богатая земля населена людьми, томящимися въ работѣ, и глупые паны, водимые жидовскими плутнями, управляютъ съ необузданною властью крестьянами, доведенными до совершенной нищеты. Обычай отдавать имѣнія въ аренду уничтожилъ всякое человѣколюбіе и промышленность... Много наѣзжалъ я такихъ селеній, гдѣ нельзя было достать кусокъ хлѣба, а между тѣмъ въ городахъ царствовали безпутная роскошь и сластолюбивая праздность... Грабежъ (повсюду) безсовѣстный и безстрашный" [1]. Еще болѣе мрачными красками рисуютъ намъ положеніе сельскаго населенія подъ польскимъ владычествомъ въ концѣ XVIII вѣка сами поляки. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ объ этомъ извѣстный польскій публицистъ Сташицъ: „Пять частей польскаго народа стоитъ у меня предъ глазами. Я вижу милліоны твореній, изъ которыхъ одни ходятъ полунагими, другія покрываются шкурой или сермягой; всѣ они высохшія, обнищавшія, обросшія волосами, закоптѣвшія; грустныя и глупыя, съ глубоко впавшими глазами, они беспрестанно вздыхаютъ; они мало чувствуютъ и мало думаютъ и въ этомъ ихъ величайшее счастье. Въ нихъ едва можно замѣтить разумную душу. Наружность ихъ съ перваго взгляда выказываетъ болѣе сходства со звѣремъ, чѣмъ съ человѣкомъ. Они носятъ позорное имя хлопа. Пища ихъ—хлѣбъ изъ непросѣянной муки, а въ теченіе четверти года—одна мякина; ихъ напитокъ—вода и жгучая внутренности водка. Жилищами имъ служатъ ямы или немного возвышающіяся надъ землею шалаши: солнце не имѣетъ туда доступа, они наполнены только смрадомъ, да тѣмъ благодѣтельнымъ дымомъ, который, вѣроятно, для того, чтобы они менѣе смотрѣли на свою нужду, лишаетъ ихъ свѣта и, чтобы они менѣе страдали, днемъ и ночью душитъ ихъ и укорачиваетъ ихъ жалкую жизнь, но особенно убиваетъ малютокъ. Въ этой смрадной и дымной темницѣ хозяинъ, утомленный дневной работой, отдыхаетъ на гнилой подстилкѣ; рядомъ съ нимъ спятъ нагишомъ малыя дѣти на томъ же ложѣ, на которомъ стоитъ корова съ телятами и лежитъ свинья съ поросятами... Добрые поляки! Вотъ роскошь той части народа, отъ

---

[1]) „Русскій Архивъ" 1867 г. Приложеніе, стр. 134.

которой зависитъ судьба вашей Рѣчи Посполитой. Вотъ человѣкъ, который васъ кормитъ. Вотъ положеніе земледѣльца въ Польшѣ“ [1]). Эта характеристика быта сельскаго населенія, сдѣланная Сташицемъ, относится къ польскимъ крестьянамъ, но она вполнѣ примѣнима и къ крестьянамъ западно-русскимъ, такъ какъ послѣдніе, по отзывамъ многихъ современниковъ, были бѣднѣе и приниженнѣе польскаго хлопа [2]). Вообще положеніе польскихъ и западнорусскихъ крестьянъ было хуже не только положенія западноевропейскихъ, но даже и великорусскихъ.

Главное преимущество великорусскихъ крестьянъ предъ западнорусскими заключалось въ томъ, что почти половина ихъ состояла на оброкѣ, между тѣмъ какъ въ Польшѣ и Литвѣ оброчная система хозяйства почти не практиковалась. Извѣстный историкъ В. И. Семевскій, установивъ самымъ точнымъ образомъ, что оброчные крестьяне въ Великороссіи въ XVIII вѣкѣ составляли 44% всего числа крѣпостныхъ, говоритъ въ заключеніе слѣдующее: „Огромное значеніе въ исторіи крѣпостного права въ Россіи имѣетъ то, въ какой степени были распространены оброчная и барщинная системы хозяйства. Оброчные крестьяне находились въ гораздо болѣе льготномъ положеніи: они въ весьма значительной степени пользовались самоуправленіемъ, были гораздо болѣе, чѣмъ барщинные, удалены отъ помѣщичьяго произвола, и мы знаемъ даже одинъ случай, когда весьма сложное хозяйство съ фабрикою, съ отправкою значительнаго количества хлѣба по Волгѣ и т. п. было передано въ полномъ составѣ крестьянамъ за уплату извѣстнаго оброка; такая крестьянская община самостоятельно вела обширныя хозяйственныя предпріятія до тѣхъ поръ, пока исправно уплачивала свой оброкъ господину“ [3]). Затѣмъ въ Великороссіи существовалъ многочислен-

---

[1]) *В. Мякотинъ*: „Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ“, стр. 77—78.

[2]) Англичанинъ Coxe въ описаніи своего путешествія говоритъ: „Чѣмъ больше мы приближаемся къ Литвѣ, тѣмъ чаще встрѣчаются намъ евреи, тѣмъ бѣднѣе становится видъ сельскаго населенія“. Тоже самое говорятъ и польскіе авторы. (В. Мякотинъ: „Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ“, стр. 80).

[3]) „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II“, т. I, введеніе, стр. XI.

ный классъ государственныхъ крестьянъ, которые пользовались сравнительно очень широкой свободой, тогда какъ въ Польшѣ и Литвѣ большая часть коронныхъ имѣній составляли староства, отдававшіяся въ пожизненное владѣніе частнымъ лицамъ. Наконецъ, лучшему положенію великорусскихъ крестьянъ сравнительно съ западно-русскими содѣйствовали, по словамъ г. Мякотина, еще слѣдующія двѣ причины: „это—община, сохранившаяся въ русскомъ крестьянствѣ, и отсутствіе той арендной системы, которая такъ губительно вліяла на положеніе крестьянъ въ Польшѣ. Въ Россіи невозможно было для помѣщика, несмотря на всю силу его произвола, лишить всѣхъ своихъ крестьянъ земли и заставить ихъ работать исключительно на себя, какъ это дѣлали иногда польскіе помѣщики; правда, что, кромѣ инертной силы сопротивленія общины, здѣсь вліяла, какъ замѣтилъ еще раньше одинъ изслѣдователь (Де-Пуле), и самая низкая степень земледѣльческой культуры въ Россіи: русскимъ помѣщикамъ самимъ прежде всего были бы невыгодны подобныя дѣйствія. Отсутствіе арендной системы также вліяло въ благопріятномъ смыслѣ на положеніе крестьянъ, устраняя возможность злоупотребленій, разрушавшихъ крестьянское хозяйство. Даже самый помѣщичій произволъ, безспорно существовавшій и у насъ и доходившій до полной дикости, наврядъ ли могъ равняться съ произволомъ польскихъ пановъ: въ Польшѣ государственная власть отказалась отъ всякаго вмѣшательства въ отношенія между помѣщиками и крестьянами еще въ XVI вѣкѣ, въ Россіи это же произошло только къ концу XVIII вѣка. Но оставляя и это въ сторонѣ, предполагая совершенно равное участіе помѣщичьяго произвола въ судьбѣ русскихъ и польскихъ крестьянъ, мы должны будемъ все-таки сказать, что положеніе первыхъ было значительно лучше, такъ какъ они не испытывали такой эксплоатаціи своего труда, какая выпала на долю ихъ польскихъ собратьевъ; русскіе помѣщики если и эксплоатировали трудъ своего крестьянина, то лишь непосредственно самый трудъ, не прибѣгая къ такимъ средствамъ, какъ пропинація и запрещеніе торговли въ селахъ помимо двора. Немудренно поэтому, что русскіе помѣщики, увидавши бытъ

польскихъ крестьянъ, удивлялись ихъ печальному положенію такъ же, какъ и западные путешественники“ [1]).

VIII.

Побѣги крестьянъ. — Опасности, какимъ подвергались бѣглые. — Побѣги крестьянъ въ Сѣверо-Западной и Юго-Западной Руси. — Насилія крестьянъ надъ помѣщиками. — Гайдамаки.

Тяжелое положеніе западно-русскихъ крестьянъ доводило ихъ до отчаянія и заставляло искать спасенія въ бѣгствѣ. Но побѣги крестьянъ сопровождались величайшими для нихъ опасностями. Пока крестьянинъ находился въ своемъ селѣ, законъ хотя и не оказывалъ ему защиты по отношенію къ его владѣльцу, но послѣдній, соблюдая свои собственные интересы, старался оградить личность и имущество своихъ крестьянъ отъ посягательства на нихъ со стороны другихъ шляхтичей. Послѣ же бѣгства крестьянинъ лишался единственнаго, закономъ признаваемаго, защитника и долженъ былъ, подобно самому обыкновенному бродягѣ, безропотно выносить всякія обиды отъ перваго встрѣчнаго. Напримѣръ, если какой-нибудь шляхтичъ встрѣчалъ на дорогѣ бѣглыхъ крестьянъ, то онъ или выдавалъ ихъ прежнему владѣльцу, или водворялъ въ своемъ имѣніи, или же отнималъ у нихъ скотъ и другое имущество, а самихъ прогонялъ. Сами владѣльцы, узнавъ о побѣгѣ своихъ крестьянъ, немедленно наряжали погоню и, если настигали бѣглецовъ, подвергали ихъ жестокимъ наказаніямъ. Въ тоже время принимало мѣры противъ побѣговъ крестьянъ и польское правительство. Такъ, съ конца XVI и по конецъ XVII вѣка, т. е. въ теченіе только одного столѣтія, сеймы издали 42 постановленія о бѣглыхъ, изъ которыхъ 20 относилось спеціально къ областямъ бывшаго великаго княжества Литовскаго. Этими постановленіями 1) воспрещалось шляхтичамъ принимать, подъ опасеніемъ штрафа въ 100 гривенъ, слугъ и крестьянъ, если они не предъявятъ

---

[1]) „Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ“, стр. 81—82.

письменнаго свидѣтельства отъ владѣльца, на землѣ котораго жили прежде, что они свободны, высидѣли у него обязательный срокъ и уплатили выходъ; 2) за принятіе чужихъ крестьянъ устанавливался штрафъ въ 500 гривенъ за каждаго крестьянина, а впослѣдствіи штрафъ этотъ былъ увеличенъ до 1000 гривенъ; 3) за неявку въ судъ по первому требованію въ дѣлѣ о передержательствѣ бѣглыхъ крестьянъ, а также при малѣйшемъ сопротивленіи выдать ихъ и уплатить штрафъ, виновный подвергался банниціи, т. е. изгнанію и лишенію всѣхъ гражданскихъ правъ; 4) иски о бѣглыхъ крестьянахъ разрѣшалось вести въ ближайшемъ городѣ, не стѣсняясь мѣстомъ жительства истца и отвѣтчика и т. д. [1]) Сколько, однако, ни хлопотали польскіе сеймы, сколько ни гонялись за бѣглыми сами владѣльцы, побѣги крестьянъ не прекращались какъ въ Сѣверо-Западной, такъ и въ Юго-Западной Руси.

Древнѣйшія извѣстія о побѣгахъ крестьянъ въ Сѣверо-Западной Руси относятся къ концу XVI вѣка. Такъ, въ книгѣ Упитскаго земскаго суда за 1585—1587 годы находится 18 актовъ, въ которыхъ говорится о бѣглыхъ [2]). Въ этой же книгѣ находится 13 актовъ о „выводѣ" крестьянъ [3]). Въ послѣдующіе вѣка количество бѣглыхъ, повидимому, не уменьшается. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ инвентарей XVIII вѣка. Изъ имѣнія Мельники, Ошмянскаго повѣта, сбѣжалъ одинъ крестьянинъ съ семьей самъ девять [4]); изъ им. Помуша, Упитскаго повѣта, сбѣжали одинъ крестьянинъ съ семьей, два безъ семьи и двѣ женщины [5]); изъ староства Радость, Брестскаго повѣта, сбѣжали двѣ крестьянскія семьи [6]); изъ имѣнія Подбиржи, Упитскаго повѣта,

---

[1]) См. Volumina legum: т. II, стр. 166, 176, 185, 189, 208 и 269; т. III, стр. 24, 337 и 456; т. IV, стр. 14, 20, 329, 376, 438, 471; т. V, стр. 230, 327 и 367.

[2]) См. „Опись документовъ Виленск. Центр. Архива", вып. VII, №№ 132, 293, 783, 825, 1054, 1119, 1180, 1200, 1208, 1237, 1238, 1525, 1526, 1527, 1561, 1163 и 1185.

[3]) Ibid., №№ 161, 693, 825, 1063, 1073, 1074, 1075, 1103, 1150, 1166, 1227, 1378, 1509 и др.

[4]) „Акты Вил. Арх. Ком." т. XXXV, № 17.

[5]) Ibid., № 29.

[6]) Ibid., № 70.

сбѣжало трое юношей, изъ которыхъ одинъ тотчасъ послѣ порки розгами (po wycwiczeniu) [1]; изъ имѣнія Войдзюлишки, Виленскаго воеводства, въ 1796 году убѣжало семь человѣкъ съ женами и дѣтьми, а раньше, въ различное время, убѣжали двадцать пять семействъ, при чемъ нѣкоторые изъ этихъ бѣглыхъ, по заявленію самаго владѣльца Кордзюка, были выведены (wyprowadzeni) [2]. На значительное количество бѣглыхъ указываетъ обиліе пустокъ, или пустошей, т. е. свободныхъ участковъ, оставшихся послѣ сбѣжавшихъ (wyszłych) крестьянъ. Напримѣръ, въ имѣніи Мейшаголѣ, Виленскаго повѣта, было 10 пустокъ [3]), въ имѣніи Ходилонь, Лидскаго повѣта, было 11 пустокъ [4]), въ имѣніи Кляпинѣ, Рѣчицкаго повѣта, было 6 пустокъ [5]), въ им. Савиничахъ, Мстиславскаго воеводства, было 14 пустокъ [6]) и т. д. Насколько обычны были побѣги крестьянъ, видно также изъ того, что нѣкоторые арендаторы включали въ арендный договоръ условіе, въ силу котораго вотчинный владѣлецъ лишался права привлекать ихъ къ отвѣтственности за побѣги крестьянъ [7]). Изъ Ковенской губерніи, какъ пограничной, нѣкоторые крестьяне уходили въ Пруссію, а изъ Минской—на Волынь, но подобные случаи бывали очень рѣдко. Обыкновенно бѣглые не выходили изъ предѣловъ своей родины и осѣдали гдѣ нибудь по близости на земляхъ другихъ владѣльцевъ (gdzie indziey osiedli [8]), а чтобы ихъ не могли отыскать, перемѣняли свои фамиліи (zwykło odmiano y dobranien kilka nazwisk znayduią się), какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ выше упомянутый помѣщикъ Кордзюкъ. Эти новые поселенцы назывались новиками, слобожанами, захожими, прихожими и даже чужопанцами (cudzopaniec) и въ теченіе извѣстнаго времени, до окончанія сво-

---

1) Ibid., № 8.
2) Вил. Центр. Арх., кн. № 14225, л. № 64.
3) „Акты Вил. Арх. Ком.“, т. XXXV, № 4.
4) Ibid., № 20.
5) Ibid., № 13.
6) Ibid., № 31.
7) Ibid., № 82.
8) Ibid., № 70.

боды (do wyisci słobody), пользовались различными льготами [1]). Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ число новыхъ поселенцевъ было весьма значительно. Напримѣръ, въ имѣніи Подбиржи, Упитскаго повѣта, въ 1755 г. было 26 крестьянъ, изъ которыхъ только семь были крѣпостными (wieczysty z dawnych czasow), а всѣ остальные—подзнѣйшіе переселенцы [2]). Нѣкоторые изъ переселенцевъ, взявшіе у помѣщика „запоможене" деньгами, домашними животными и хлѣбомъ, заключали съ нимъ договоръ, которымъ признавали себя со своими семьями на вѣчныя времена его отчичами, или крѣпостными [3]). Иногда помѣщики знали, гдѣ находятся убѣжавшіе отъ нихъ крестьяне, но, при отсутствіи въ Польшѣ сильной исполнительной власти, не всегда могли возвратить ихъ. Въ виду этого они придумывали всевозможныя мѣры противъ крестьянскихъ побѣговъ и, между прочимъ, обязывали самихъ крестьянъ слѣдить другъ за другомъ. Такъ, въ имѣніи Засѣклѣ или Гражинѣ, Оршанскаго повѣта, принадлежавшемъ въ 1688 году Георгію и Адаму Рутскимъ, всѣ крестьяне обязаны были наблюдать, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не ушелъ прочь, подъ тяжелой карой по двѣсти веревокъ и по двѣсти (?) копъ штрафа на каждый дворъ во всей деревнѣ, и если бы кого-нибудь изъ своей среды по недосмотру упустили, то, получивши удары и заплативши штрафъ, обязаны были сбѣжавшаго

---

[1]) Ibid., № 87.

[2]) Ibid., № 8.

[3]) Вотъ одинъ изъ такихъ договоровъ: „Году отъ нароженя сына Божого тисеча шестсот трынадцатого м-ца Марца пятого дня. Я Юри Матеевич, чоловек похожый, вызнаваю тым своим листом, доброволным записом, иж я принявшы оселост под его милостю паном Рафалом Андреевским на именю его милости Зарецком, въ повете Упитском лежачом, до того запоможенем од его милости взялом не малое, а то ест штом взял запоможеня готовых пенезей коп тры и грошей чотырнадцат, также розным быдлом и розным збожем засевки, чого всего порановавшы чынит на осмъ коп грошей литовских, а за тое все с того кгрунту маю и тым листом моим описуюсе, прымуючы собе его милости за пана вечного, его милости верне служыт, яко розказане и воля его милости, о котором часе будет и вжо его милости, яко природным паном своим одступовати и одходити не маю и мочы не буду вечными часы, а где бым одступил не ведоме од его милости и отышол, тогды его милость не толко того запоможеня, што мне от его милости дано ест, але и мене самого у кождого пана суду и права за власного очыча своего отыскати моценъ и волен будет..." (Вилен. Центр. Арх., кн. № 15193, л. 348).

хлопа на свой счетъ отыскать, посадить на прежнее мѣсто и дать ему вспомоществованіе, если бы онъ обѣднѣлъ (zubożał), а пока хлопа отыщутъ, сами обязаны были за него отбывать барщину [1]).

Побѣги крестьянъ въ Юго-Западной Руси, по словамъ профессора Антоновича, приняли значительные размѣры уже въ XVII вѣкѣ. Крестьяне изъ Полѣсья, Волыни и западнаго Подолья бросали тяжелыя условія быта и бѣжали то въ одиночку, то цѣлыми толпами въ степную Украйну, гдѣ еще много было незаселенныхъ мѣстъ. Туда манили ихъ льготныя условія, дававшія возможность разсчитывать хоть на временное облегченіе тяжелаго ихъ экономическаго состоянія. Нерѣдко сами владѣльцы, сильно нуждаясь въ рабочихъ рукахъ, являлись на Волынь и Полѣсье, разъѣзжали по селамъ и переманивали чужихъ крестьянъ къ себѣ на „слободу“ или „выкачивали“ ихъ, по техническому выраженію того времени. Особенно усилились побѣги крестьянъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Такъ, въ одной только Кіевской декретовой книгѣ помѣщено 95 приговоровъ по поводу передержательства бѣглыхъ крестьянъ, въ другой декретовой Винницкой такихъ приговоровъ 34, въ третьей Кіевской записано 56 жалобъ по поводу крестьянскихъ побѣговъ. Объ огромной численности бѣглыхъ можно заключить изъ жалобъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ. Напримѣръ, Шлюбичъ-Заленскій жаловался, что изъ его села бѣжали въ одинъ разъ 14 крестьянъ съ семействами и имуществомъ; Іосифъ Потоцкій требовалъ у Конскихъ возврата перебѣжавшихъ къ нимъ изъ его имѣній 30 крестьянскихъ семействъ; Стецкій отыскивалъ 30 бѣжавшихъ семействъ и т. д. Разныя административныя и законодательныя мѣры не могли ни прекратить, ни даже ослабить количества побѣговъ; только полное заселеніе Украйны и водвореніе въ ней достаточнаго количества крестьянскихъ рабочихъ силъ могло повліять на уменьшеніе побѣговъ или, по крайней мѣрѣ, на прекращеніе бѣгства крестьянъ изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей.

---

1) Вил. Цент. Арх., кн. № 1550, л. 368.

Условіе это и выполнилось къ концу XVIII вѣка, и въ это время количество дѣлъ о бѣглыхъ крестьянахъ значительно уменьшается [1]).

Если крестьянамъ не удавалось освободиться отъ своихъ притѣснителей бѣгствомъ, то, не находя законнаго выхода изъ своего невыносимаго положенія, они иногда мстили имъ поджогами и убійствами. Такъ, нѣкій панъ Матысъ Харковскій, жившій въ селѣ Кобчѣ, Луцкаго повѣта, въ 1582 г. жаловался, что во время его отсутствія человѣкъ пятнадцать крестьянъ пришли въ его дворъ, заперли комору, гдѣ были его жена и дѣти, а прислугу заперли по ея избамъ и подожгли дворъ; хотя люди успѣли спастись, но всѣ постройки и движимое имущество погибли. По словамъ Харковскаго, крестьяне поджигали его дворъ пять разъ [2]). Въ 1563 г. крестьяне имѣнія Ляховецъ, Кременецкаго уѣзда, напали на дворъ своего помѣщика, пана Матвѣя Сенюты, и, вломившись въ свѣтлицу, убили его [3]). Въ 1659 году была убита своими крестьянами помѣщица Ефризина Вильская въ селѣ Юрковичахъ, Пинскаго повѣта [4]). Особенно жестоко расправились съ своими помѣщиками крестьяне Польской Украйны, которые находили въ себѣ достаточно силы даже для открытаго бунта. „Съ тѣхъ поръ“, говоритъ В. Мякотинъ, „какъ лѣвобережная Украйна отошла подъ власть Московскаго государства, въ Польшѣ почти, можно сказать, не оставалось казачества въ старомъ значеніи этого слова: казаки въ большинствѣ перешли къ Россіи, а вмѣстѣ съ ними исчезла изъ Польской Малороссіи и та крѣпкая опора русской національности и православной вѣры, какую они представляли изъ себя. Теперь, когда не стало этихъ могучихъ защитниковъ, польскимъ и ополяченнымъ панамъ предоставлялась, повидимому, полная возможность угнетать и тѣснить православное русское населеніе, состоящее преимущественно изъ крестьянъ. Не такъ, однако, вышло на дѣлѣ. Въ угнетеніяхъ не было недостатка, но крѣпкій духъ малорусскаго

---

[1]) См. о побѣгахъ крестьянъ въ Юго-Западной Руси соч. *В. Б. Антоневича*: „Архивъ Юго-Зап. Россіи“, часть VI, т. II, предисловіе, стр. 27—36.

[2]) „Архивъ Юго-Западной Россіи“, ч. VI, т. I, стр. 128.

[3]) Ibid., стр. 45

[4]) Виленск. Центр. Арх., кн. № 13012, л. 991.

народа, не сломленный польскимъ владычествомъ, сказался и тутъ. На мѣсто казаковъ явились новые защитники угнетеннаго народа и его „хлопской вѣры", явились изъ среды того же народа и получили имя „гайдамаковъ". Медленно и постепенно развивалось это новое народное движеніе, начавшееся съ простыхъ разбоевъ и превратившееся подъ конецъ въ постоянное, строго организованное возстаніе. Въ рядахъ гайдамаковъ были и русскіе, и польскіе обѣднѣвшіе шляхтичи, и молдаване съ валахами, но главный контингентъ ихъ составляли всегда малорусскіе крестьяне, къ которымъ присоединялись и бѣглые крестьяне изъ чисто польскихъ областей. Каждый годъ съ весною шайки гайдамаковъ собирались вокругъ своихъ „ватажковъ" и разсыпались по всей Украйнѣ, разнося съ собой гибель и разореніе помѣщикамъ и ихъ дворамъ. У крестьянъ они всегда находили пріютъ и убѣжище, съ помощью ихъ разузнавали все, что дѣлалось въ окрестности на далекое разстояніе, и, благодаря этому сочувствію и содѣйствію крестьянскаго населенія, они становились почти непреодолимой силой, тѣмъ болѣе еще, что главная военная сила Украйны, надворные казаки различныхъ пановъ, набиравшіеся изъ тѣхъ же крестьянъ, не имѣли никакой охоты биться съ ними за пановъ, равно имъ ненавистныхъ. Въ виду этого гайдамаки часто могли безнаказанно грабить и даже убивать пановъ и ихъ управителей, вымещая на нихъ всѣ угнетенія, терпимыя крестьянами" [1]). Съ теченіемъ времени гайдамачество все болѣе и болѣе принимало характеръ народнаго движенія и, наконецъ, въ 1768 году разразилось страшнымъ бунтомъ Желѣзняка и Гонты, во время котораго много погибло пановъ и арендаторовъ евреевъ. Но этотъ бунтъ, какъ и всѣ другіе протесты крестьянъ, не улучшилъ ихъ положенія, и оно продолжало оставаться такимъ же тяжелымъ, какъ и было.

---

[1]) „Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ", стр. 85—86.

IX.

Возсоединеніе Западной Россіи съ Великой Россіей.—Ухудшеніе экономическаго положенія западно-руссцихъ крестьянъ.—Развитіе продажи крестьянъ безъ земли.—Случаи закрѣпощенія вольныхъ людей.—Усиленіе власти помѣщиковъ.—Отношенія польской шляхты къ крестьянскому вопросу.—Движеніе въ русскомъ обществѣ противъ крѣпостного права. — Мѣры русскихъ государей къ улучшенію положенія крестьянъ.—Манифестъ 19 февраля 1861 г.

Въ концѣ XVIII в. Западная Русь возсоединилась съ Великой Россіей. Съ этого времени западно-русскіе крестьяне опять сдѣлались русскими подданными, но на первыхъ порахъ положеніе ихъ отъ этого нисколько не улучшилось.

Прежде всего нисколько не улучшилось экономическое положеніе крестьянъ. Польская шляхта, лишившись права жизни и смерти надъ своими подданными [1]), во всѣхъ другихъ отношеніяхъ вполнѣ сохранила свою власть надъ ними. Она попрежнему могла устанавливать какія угодно повинности, а такъ какъ повинности эти въ теченіе XVIII вѣка все болѣе и болѣе возрастали, то не удивительно, что онѣ продолжали возрастать и при русскомъ управленіи. Выше уже было сказано, что именно въ это время во всей Западной Россіи крестьянскія повинности досигли весьма значительныхъ размѣровъ. Такъ, въ однихъ имѣніяхъ очень увеличилось число сверхбарщинныхъ рабочихъ дней, въ другихъ—количество дани натурою, въ третьихъ—количество денежныхъ платежей и т. д. Напримѣръ, въ большомъ имѣніи Козяны, Виленской губерніи, пожалованномъ въ 1797 году императоромъ Павломъ I графу Манузи, крѣпостные съ $^1/_4$ уволоки отбывали слѣдующія повинности: барщины—по 3 дня въ недѣлю, чинша платили по 100 злотыхъ, сухой (?) аренды—по 9 злотыхъ и по нѣсколько

---

[1]) Въ Россіи дворянство такимъ правомъ никогда не пользовалось. Вотъ что говоритъ объ этомъ профес. Романовичъ-Славатинскій: „Правда, у насъ никогда не существовало права жизни и смерти помѣщиковъ надъ крестьянами, подобно тому, какъ это было въ Польшѣ. Потемкинъ, купивъ у Ксаверія Любомирскаго имѣніе, далъ ордеръ своему управляющему: „Всѣ находящіяся въ купленномъ мною у князя Любомирскаго польскомъ имѣніи висѣлицы предписываю тотчасъ приказать сломать, не оставляя и знаку оныхъ“. („Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостного права“, стр. 317)

злотыхъ за котлы; кромѣ того каждый крестьянинъ долженъ былъ дать помѣщику половину собраннаго имъ меду и поставить одну подводу въ Ригу, которая оцѣнивалась въ 40 злотыхъ [1]). На Волыни каждое крестьянское семейство отбывало въ началѣ столѣтія 194 рабочихъ дня, въ концѣ—240; въ Полѣсьѣ въ началѣ столѣтія—114 дней, въ концѣ—200, а въ полосѣ, лежащей на границѣ Полѣсья и степной Украйны, общая цифра крестьянскихъ повинностей къ концу столѣтія утроилась [2]). Такимъ образомъ, экономическое положеніе крестьянъ какъ въ Сѣверо-Западной, такъ и въ Юго-Западной Россіи продолжало ухудшаться и послѣ возсоединенія этихъ областей съ Великой Россіей. Исключеніе составляли только крестьяне, перешедшіе въ собственность русскихъ помѣщиковъ, такъ какъ послѣдніе очень часто переводили крестьянъ съ барщины на оброкъ, а оброчная система хозяйства, по выраженію В. И. Семевскаго, „должна считаться шагомъ впередъ въ жизни крѣпостныхъ“ [3]).

Затѣмъ въ западно-русскихъ областяхъ значительно усилилась п р о д а ж а к р е с т ь я н ъ б е з ъ з е м л и. Этому способствовало, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что великорусскіе помѣщики охотно стали покупать здѣсь крестьянъ для отдачи ихъ въ рекруты за свои вотчины. Первый бѣлорусскій генералъ-губернаторъ, графъ Чернышевъ, тотчасъ обратилъ на это вниманіе

---

[1]) Вилен. Центр. Арх., кн. № 12054, л. 519.

[2]) *В. Б. Антоновичъ.* „Арх. Юго-Зап. Россіи“, ч. VI, т. II, предисловіе, стр. 42, 46 и 51.

[3]) Въ Витебской и Могилевской губерніяхъ, тотчасъ послѣ присоединенія ихъ къ Россіи, императрица Екатерина II начала щедро раздавать населенныя имѣнія русскимъ людямъ, а эти послѣдніе начали вводить тамъ, по примѣру Великороссіи, оброчную систему хозяйства. Изъ краткихъ описей имѣній, составленныхъ во время генеральнаго межеванія въ концѣ XVIII вѣка (описи эти хранятся въ Межевомъ Архивѣ, въ Москвѣ) видно, что въ двухъ названныхъ губерніяхъ въ то время числилось крестьянъ 568942 души мужского пола, изъ которыхъ 89226 д. м. п. были переведены на оброкъ русскими помѣщиками, а 22586 д. м. п.—поляками, главнымъ образомъ Сапѣгой (11914 д. м. п.) и іезуитами. Средній размѣръ оброка былъ слѣдующій: съ одной ревизской души—отъ 2 до 4 руб., или съ одного вѣнца, т. е. съ одного взрослаго мужчины и одной женщины—отъ 4 до 5 руб., или съ одной уволоки земли—отъ 10 до 15 рублей.

и, опасаясь, чтобы отъ вывода людей въ другія губерніи не уменьшились сборы въ казну, такъ какъ бѣлорусскіе крестьяне обложены были большими налогами, чѣмъ великоруссы [1]), обратился въ Сенатъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи продажи крестьянъ только внутри Бѣлорусскихъ губерній и о воспрещеніи вывоза ихъ въ Великороссію. Но Сенатъ не уважилъ ходатайства графа Чернышева и особымъ указомъ отъ 15 октября 1776 г. разъяснилъ, что нельзя отнимать свободы у бѣлорусскихъ владѣльцевъ въ продажѣ людей безъ земли, такъ какъ имъ дано право пользоваться тѣми же привилегіями, какими пользуется и все русское дворянство [2]). Бѣлорусскіе помѣщики поспѣшили воспользоваться такимъ разрѣшеніемъ Сената, и скоро торговля крѣпостными людьми въ Бѣлоруссіи приняла самые обширные размѣры. Напримѣръ, въ Витебскомъ и Рогачевскомъ уѣздахъ только въ теченіе тринадцати лѣтъ, а именно: съ 1783 по 1796 годъ было продано 48 семействъ, состоящихъ изъ 182 душъ, и отдѣльно отъ семействъ 113 мужчинъ, 48 дѣвушекъ и 39 мальчиковъ, а всего 382 души. Продавали крестьянъ, главнымъ образомъ, мѣстные помѣщики-поляки, изъ которыхъ особенно выдѣляются слѣдующіе: Игнатій Казимировичъ на Халчи Халецкій, камергеръ польскаго двора и маршалокъ Рѣчицкаго повѣта, продавшій въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ 16 мальчиковъ и 2 крестьянъ; Григорій Викентьевичъ Малиновскій, коллежскій секретарь, шамбелянъ польскаго двора, продавшій въ теченіе двухъ лѣтъ 1 семейство изъ 6 душъ, 6 мальчиковъ и 1 дѣвушку; Фелиціанъ Александровичъ Быковскій, рогачевскій предводитель дворянства, продавшій одно семейство изъ 5 душъ, 3 мальчиковъ и 1 крестьянина. Нѣкоторые помѣщики продавали своихъ крѣпостныхъ крестьянъ чрезъ повѣренныхъ, которымъ иногда прямо отсылали своихъ людей, преимущественно мальчиковъ, съ просьбой продать ихъ, „ежели будутъ на оныхъ желающіе купцы“. Цѣны на крестьянъ

---

[1]) Налоги, которыми обложены были бѣлорусскіе крестьяне сверхъ установленныхъ въ Великороссіи, по заявленію самого гр. Чернышева, были слѣдующіе: „по числу головъ денежный и хлѣбный, также за вольную питейную продажу и на содержаніе почты“. Полн. Сбор. Зак.. т. XX, 14376.

[2]) Полн. Сбор. Зак., т. XX, 14376.

въ среднемъ выводѣ можно признать слѣдующія: крестьянское семейство цѣнилось около 75 рублей, взрослый мужчина — около 50 рублей, мальчикъ — около 15 рублей и дѣвушка — около 10 рублей [1]).

Далѣе, ухудшилось положеніе вольныхъ людей, жившихъ въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ по контрактамъ. Послѣ присоединенія къ Россіи губерній Витебской и Могилевской въ 1772 году, русская администрація не сдѣлала никакого распоряженія относительно этого класса сельскаго населенія, поэтому во время первой ревизіи вольные люди были записаны за тѣми владѣльцами, на чьихъ земляхъ они жили. Такое незаконное закрѣпощеніе вольныхъ людей обнаружилось только черезъ 10 лѣтъ, во время второй ревизіи, когда нѣкоторые гуманные владѣльцы пожелали возвратить имъ свободу. Число такихъ случаевъ освобожденія незаконно закрѣпощеннныхъ было довольно значительно. Такъ, въ книгахъ Витебскаго уѣзднаго суда въ теченіе трехъ лѣтъ, а именно съ 1782 по 1785 годъ помѣщено 17 отпускныхъ, въ силу которыхъ получилли свободу 52 человѣка (35 мужчинъ и 17 женщинъ). Относительно всѣхъ отпущенныхъ на волю людей сказано, что они раньше были людьми вольными, только во время первой ревизіи записаны были за тѣми владѣльцами, на чьихъ земляхъ они жили. Что-же касается ближайшихъ поводовъ освобожденія, то тутъ выставлялись разные мотивы. Напримѣръ, староста братства Витебской церкви Успенія Богоматери призналъ, что крестьяне были записаны за братствомъ неправильно, а именно: „по непредусмотрительности и по незнанію русскихъ законовъ"; витебскіе іезуиты прямо заявили, что „они не желаютъ незаконно обращать на вѣчное подданство вольныхъ людей", а нѣкоторые владѣльцы, какъ братья Лаппы и священникъ Василій Юревичъ, хотя и признали, что записанные за ними по первой ревизіи крестьяне не были ихъ крѣпостными, однако причиной освобожденія ихъ выставили

---

[1]) Вилен. Ценр. Архивъ, книги Рогачевскаго уѣзднаго суда подъ №№ 1752—1765 и книги Витебскаго уѣзднаго суда подъ №№ 137—156.

„добропорядочную и безпорочную къ нимъ услугу“ [1]. Такимъ образомъ, благодаря первой ревизіи вольные люди въ губерніяхъ Витебской и Могилевской въ теченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ лишены были свободы, а многіе изъ такихъ людей, вѣроятно, остались въ неволѣ и на будущее время, такъ какъ освобожденіе ихъ зависѣло исключительно отъ усмотрѣнія самихъ владѣльцевъ. Въ лучшемъ положеніи оказались вольные люди въ областяхъ, доставшихся Россіи по второму и третьему раздѣламъ Польши. Теперь русскія власти обратили на нихъ вниманіе, и въ 1793 году генералъ-губернаторъ волынскій и подольскій Тутолминъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы земскіе комиссары „сочинили всѣмъ таковымъ черноработнымъ вольнымъ людямъ именной списокъ и имѣли бы особую книгу, въ которую вписывать, въ какой параѳіи, въ какомъ именно селеніи и чьемъ владѣніи проживаютъ, кто имменно вольные черноработцы и по какому договору или контракту, и если таковымъ людямъ случится какая либо убыль, то въ той же книгѣ означать и прилежнѣйше притомъ наблюдали бы, дабы они безъ вѣдома комиссаровъ съ мѣста на мѣсто перехода отнюдь не чинили“ [2]. Это распоряженіе Тутолмина устранило возможность закрѣпощенія вольныхъ людей, но послѣдніе, несомнѣнно, лишились прежней свободы перехода, что не могло не отразиться на условіяхъ ихъ договоровъ съ помѣщиками.

Наконецъ, ухудшенію положенія крестьянъ въ присоединенныхъ западно-русскихъ областяхъ способствовало возникновеніе здѣсь сильной исполнительной власти, которой и тѣни не было при польскомъ владычествѣ. Прежде болѣе состоятельные помѣщики, пользуясь слабостью польскаго правительства, совершенно безнаказанно перезывали въ свои имѣнія чужихъ крестьянъ, что не могло не содѣйствовать хоть временному улучшенію ихъ положенія, такъ какъ новымъ поселенцамъ обыкновенно предоставлялись раз-

[1] Виленск. Центр. Архивъ, кн. № 136, л. 207, 247, 252, 253, 254, 255, 278, 284, 285; кн. № 139, л. 78, 79, 80, 81 и 84.

[2] Сборникъ документовъ, касающихся административнаго устройства Сѣверо-Западного края при императрицѣ Екатеринѣ II“ (изд. Виленск. археогр. комис.), предисловіе, стр. LII.

ныя льготы. Теперь же русская администрація стала принимать самыя рѣшительныя мѣры къ разысканію и возвращенію бѣглыхъ прежнимъ владѣльцамъ. [1]) Такія же рѣшительныя мѣры принимались и къ подавленію крестьянскихъ волненій. Такъ, минскій губернаторъ Неплюевъ въ 1793 году предписалъ Рѣчицкому земскому суду пользоваться воинскою командою „на усмиреніе какихъ либо людей, буйство заводящихъ, или противъ своихъ владѣльцевъ упорствующихъ“ [2]). Вообще русская администрація настойчиво требовала, чтобы крѣпостные крестьяне исполняли всѣ прежнія повинности, вносили всѣ прежніе платежи и оставались въ полнѣйшемъ послушаніи у своихъ владѣльцевъ [3]). Подобныя распоряженія русской администраціи во многихъ случаяхъ весьма тягостно отзывались на крестьянахъ.

Такимъ образомъ, положеніе западно-русскихъ крестьянъ послѣ возсоединенія Западной Руси съ коренной Россіей на первыхъ порахъ несомнѣнно ухудшилось. Но помѣщики, власть которыхъ надъ крестьянами получила больщую обезпеченность, такими порядками были очень довольны. „Казалось“, говоритъ профессоръ Антоновичъ, „что шляхта достигла, наконецъ, давно желаннаго полнаго экономическаго господства надъ крестьянами и что, опираясь на покровительство, оказанное ей русскимъ правительствомъ, она, наконецъ, сломила долго сопротивлявшійся народъ и дождалась полнаго торжества“. Но „порядокъ“, продолжаетъ тотъ же авторъ, „представлявшійся по понятіямъ шляхты окончательнымъ завершеніемъ дѣла, дальше котораго ничего желать не оставалось, для русскаго общества былъ только переходною ступенью общественнаго историческаго развитія“ [1]).

---

[1]) Ibid., №№ 84, 85 и 98, II.

[2]) Ibid., №№ 55 и 117, II.

[3]) Ibid., № 120, II.

[1]) „Архивъ Юго-Западной Россіи,“ часть VI, т. II, предисловіе, стр. 63.

Такой же взглядъ на отношенія польской шляхты къ крестьянамъ высказываетъ и г. Мякотинъ. Указавъ на то, что попытки улучшить положеніе крестьянъ, сдѣланныя въ Польшѣ въ XVIII вѣкѣ нѣкоторыми частными лицами, законодатель-

Дѣйствительно, въ русскомъ обществѣ стали высказываться отдѣльныя мнѣнія объ ограниченіи или уничтоженіи крѣпостного права уже съ конца XVII вѣка, а чѣмъ дальше шло время, мнѣнія эти становились все болѣе и болѣе общими. Первое предположеніе объ освобожденіи владѣльческихъ крестьянъ высказалъ В. В. Голицынъ, игравшій первенствующую роль въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны. Затѣмъ въ XVIII в. заняты были вопросомъ объ ограниченіи крѣпостного права въ Россіи крестьянинъ Посошковъ, Татищевъ, Кантемиръ, братья Панины, И. П. Елагинъ, Григорій Орловъ, князь Д. А. Голицынъ, депутатъ Коробьинъ, Болтинъ, Полѣновъ, извѣстный Радищевъ и др., а въ началѣ XIX вѣка декабристъ Пестель предлагалъ въ своемъ проектѣ конституціи не только освобожденіе всѣхъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, но и надѣленіе ихъ землей. [1])

Весьма рано и русское правительство стало принимать нѣкоторыя мѣры къ постепенному улучшенію положенія крѣпостныхъ крестьянъ. Такъ, Петръ Великій дозволилъ дворовымъ людямъ поступать въ военную службу и безъ согласія господина; крестьянамъ, производившимъ торговлю на извѣстную сумму, разрѣшено было приписываться къ городамъ и противъ желанія помѣщика; имѣнія помѣщиковъ, разоряющихъ своихъ крестьянъ, велѣно было отдавать въ управленіе родственникамъ владѣльцевъ; наконецъ, государь обратилъ вниманіе сената на необходимость мѣръ для ограниченія торговли людьми безъ земли. Императрица Екатерина II хотя ничего не сдѣлала для ограниченія крѣпостного права, но она, по выраженію В. И. Семевскаго, «громко поставила вопросъ о необходимости улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, приславъ отъ имени неизвѣстнаго въ Вольное Экономическое Об-

---

ствомъ и правительственными органами, не привели ни къ чему вслѣдствіе противодѣйствія шляхты, онъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „Шляхта не сумѣла сама разрѣшить крестьянскаго вопроса, и, какъ предсказывали ей ея собственные публицисты, разрѣшеніе его перешло въ чужія руки“. (Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ, стр. 229).

[1]) См. объ этомъ изслѣдованіе извѣстнаго историка *В. И. Семевскаго*: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“. СПБ. 1888 г.

щество значительную сумму для премированія лучшаго отвѣта на задачу о правѣ собственности крестьянъ на землю и движимое имущество» [1]). Павелъ I повелѣлъ «всѣмъ и каждому наблюдать дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ“ и запретилъ требовать барщины болѣе трехъ дней въ недѣлю. Александръ I издалъ указъ о „свободныхъ хлѣбопашцахъ“, по которому помѣщикамъ дозволено было заключать съ крестьянами троякаго рода условія: 1) когда крестьяне получали свободу съ землею, внеся господину при самомъ освобожденіи извѣстную сумму; 2) когда при увольненіи плата разсрочивалась на извѣстное число лѣтъ, въ теченіе которыхъ они обязаны были исполнять въ пользу помѣщика опредѣленныя повинности, и 3) когда крестьяне, оставаясь крѣпкими землѣ, обязывались на извѣстное число лѣтъ, до смерти помѣщика или навсегда, исполнять извѣстныя повинности или платить оброкъ деньгами или продуктами. Въ царствованіе *Николая I*, кромѣ отдѣльныхъ мѣръ, какъ запрещеніе продажи крестьянъ безъ земли и съ раздробленіемъ семействъ, былъ изданъ указъ объ „обязанныхъ крестьянахъ“. По этому указу помѣщикъ получалъ право освобождать крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, давая имъ въ пользованіе земельные надѣлы за условленныя повинности. Наконецъ, императоръ Александръ II, получившій прозваніе Царя-Освободителя, 19 февраля 1861 года подписалъ манифестъ объ отмѣнѣ крѣпостного права: болѣе 20 милліоновъ крѣпостныхъ крестьянъ получили свободу и были надѣлены землею.

[1]) *В. И. Семевскій*: „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II“, т. I, введеніе, стр. XXVI.

Складъ изданія въ Русской книжной торговлѣ
А. Г. Сыркина въ Вильнѣ.

Тамъ же продаются слѣдующія книги того же автора:

I. **Русская исторія** (въ связи съ исторіей великаго княжества Литовскаго). Курсъ город‹ских›ъ и уѣздныхъ училищъ.
12-е изданіе съ приложеніемъ 7 картъ, 50 рисунковъ и вопросовъ для повторенія.

Одиннадцатое изданіе Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ качествѣ учебнаго руководства для женскихъ гимназій, городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

Вильна, 1910 г. Цѣна въ переплетѣ **75** коп.

II. **Краткій учебникъ русской исторіи.** Съ портретами и рисунками. Изданіе пятое.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ классному употребленію въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ.

Вильна, 1909 г. Стр. 89. Цѣна **25** коп.

III. **Хрестоматія по исторіи Западной Россіи.** Учебное пособіе для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Вильна, 1892 г. Цѣна **2** р. **50** к.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ и старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ весьма полезное чтеніе, для ученическихъ библіотекъ учительскихъ семинарій и институтовъ и для учительскихъ библіотекъ всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній.

IV. **Трокскій замокъ.** Историческій очеркъ.

Вильна, 1901 г. Стр. 24. Цѣна **15** коп.

V. **Краткій очеркъ жизни и дѣятельности графа М. Н. Муравьева.**

Изданіе ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго Комитета по сооруженію памятника **Графу М. Н. Муравьеву.**

Вильна, 1899 г. Стр. 64. Цѣна **10** коп.

VI. **Краткій историческій очеркъ Виленской Комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ.** 1864—1906 г.

Вильна, 1906 г. Стр. 66. Цѣна **25** коп.

18009

Цѣна 25 коп.